

Н. Н. Блохина

Становление и развитие Одесской Стурдзовской богадельни сердобольных сестер (1850–1917 гг.)

После создания столичных общин сестер милосердия — одной в Санкт-Петербурге (Свято-Троицкой общине сестер милосердия, в 1844 г.) и двух в Москве — (во имя Христа Спасителя, в 1846 г. и Никольской, в 1848 г.), подобное же заведение появилось в Одессе, культурном и торговом центре Новороссии.

Среди выдающихся личностей, чьими трудами и молитвами созидалась Одесская богадельня сердобольных сестер, особое место занимают Александр Скарлатович Стурдза (1791—1854 гг.) и Екатерина Александровна Хитрово (1806—1856 гг.). Государственный деятель и дипломат, А. С. Стурдза после выхода в отставку жил в Одессе. Он происходил из древнего молдавского боярского рода, был известным религиозным философом, публицистом, литератором, переводчиком и цензором. Состоял в знакомстве с А. С. Пушкиным (с 1818 г.) в пору пребывания в Санкт-Петербурге и Одессе. Его жена Елизавета Гуфеланд была дочерью знаменитого немецкого врача Х. Гуфеланда.

Для А. С. Стурдзы создание в Одессе благотворительного лечебного заведения (с образцово устроенным уходом сестер), было давнейшей его мечтой, к которой он возвращался на разных этапах своей жизни. В «Одесском воскресном листке» за 1876 г. были опубликованы воспоминания Н. В. Неводчикова¹, близко знавшего А. С. Стурдзу, который так рассказал о первых шагах нового благотворительного заведения: «Александр Скарлатович задумал дело на пользу Одессы. Будучи попечителем по нравственно-учебной части „Дома призрения сирот Одесского Женского Благотворительного

Общества“, он представил Правлению Общества „Записку в добрый час о добром деле“, где предлагал на участке Сиротского дома учредить такую больницу, которая бы была „рассадником христианских прислужниц и утешительниц страждущего человечества“. Показывая в „Записке“ возможность, пользу и само устройство такой больницы, он, между прочим, писал: „Эта больница не должна быть ни простым лазаретом, ни ученую клиникою; в ней врачебное искусство, тесно соединенное с христианской любовию, обязано действовать и исцелять под руководством и осенением св. веры. Если в этой обители милосердия не будут господствовать церковное благочиние, тишина, молитва и обилие целебных таинств, то больница женского общества, при всем наружном благоустройстве, не сodelается рассадником сердобольных подвижниц в деле призрения болящих. Ей непременно надо быть богадельнею в буквальном смысле, иначе: Все в ней для Бога, по духу Евангелия и во имя Христово!“².

А. С. Стурдза, несомненно, понимал, что ему еще не единожды предстоят всевозможные испытания. Об этом Н. В. Неводчиков вспоминал: «Не встретив полного сочувствия к своему предложению в Правлении Женского общества, Александр Скарлатович стал высказывать свою добрую думу в кругу своих знакомых. Тут он нашел большее внимание, более содействие к ее осуществлению». Поэтому он, с христианским смирением, продолжал искать единомышленников, в нужном, сего точки зрения, деле ухода за больными: «...ощущаемый всеми, не только бедными, но и богатыми жителями

¹ В свое время Н. В. Неводчиков был учителем в семье А. С. Стурдзы. Впоследствии он стал священником, а позже — архиепископом Кишиневским и Хотинским Неофитом.

² Воспоминания об Александре Скарлатовиче Стурдзе // Одесский воскресный листок. 1876. № 4. С. 54.

Одессы крайний недостаток в так называемых сиделках или, точнее сказать, в приставницах у постели страждущих различными болезнями, совершенная почти невозможность находить в нашем городе благонадежных особ, соединяющих в сем деле уменье с бескорыстием, и, наконец, ободряющий пример обеих столиц государства, в которых святой подвиг безмездного служения больным предначертан рукою почившей в Бозе Имп. Марии Федоровны, все сии побуждения вместе довели, наконец, единодушное стремление многих христиан до желанной степени созрения, которое обыкновенно предвещает самое действие. Тогда ... учредители, возвергнув заботу свою и упование на щедрого Бога, приступили к сбору добровольных подаяний в городе Одессе и скоро обрели сочувствие в сердцах сограждан своих.

Встречались, конечно, и в нашем крае люди, при всей благонамеренности, не доверявшие успеху нового предприятия, дело Божье всегда и везде останется знанием пререкаемым по изречению Св. Евангелия. Но маловерие некоторых не воспрепятствовало деятельности участию большинства. Ибо все соглашались в том, что образование сестер милосердия в нашем городе полезно, даже необходимо; разномыслие и недоверие некоторых касались только вопроса: возможно ли у нас достигнуть предположительной цели? ³.

Приняв решение о нужном городу новом благотворительном заведении, он уже никогда не отступал от него. «Александр Скарлатович действовал неутомимо, и вскоре собрал около себя горсть благонамеренных людей, дружно помогавших ему и словом, и делом» ⁴. Им была напечатана статья на русском и французском языке: «Взгляд на богоугодные заведения

Основатель Одесской богадельни А. С. Стурдза

для служения больным, учрежденные в мире христианском», в которой подчеркивалось, что «ходить за больными нужно не по ремеслу или расчету, но по обету и внутреннему призванию», а под конец предлагалась добровольная подписка для устройства «образцовой богадельни, и которая будет вместе и рассадником сердобольных сестер» ⁵.

Начиная с 1840-х годов А. С. Стурдза последовательно, шаг за шагом, шел к своей цели, в первую очередь его беспокоило «приобретение отборной прислуги» для больных ⁶. Еще в ранней своей работе «Взгляд на богоугодные заведения Одессы», вышедшей в Одессе в 1843 г., А. С. Стурдза так характеризовал городскую больницу: «Больница изобилует доходами из Одесского Приказа Общественного Призрения

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Отчет комитета Одесской богадельни сердобольных сестер за 1858 год. Одесса, 1859. С. 5.

и выручию от платы за больных, особенно Военного Ведомства, в ней помещаемых. Она стяжала в народе добрую славу, так что простолюдины с чувством доверия в нее поступают⁷. Александр Стурдзович ясно осознавал, что подобные заведения не смогут работать без людей, расположенных к служению ближнему: «Неужели со временем и у нас не найдутся приставники и особенно приставницы для болящих, не из одной корысти, но по христолюбивому призванию?... Я уверен, что ответ на этот вопрос, доселе негласный, таится во многих благочестивых душах — что многие из них готовы обречь себя боголюбезному, высшему роду служения ближним»⁸.

Уже в июле 1846 г. А. С. Стурдза составил проект учреждения в Одессе при существовавшей тогда «лечебнице для приходящих больных» особой богадельни, для образования в ней «больничных прислужниц в духе христианском», получивших в дальнейшем имя «сердобольных сестер». Этот проект был представлен на рассмотрение Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора и Высокопреосвященного Гавриила, архиепископа Херсонского. Были собраны и необходимые благотворительные пожертвования для нового лечебного учреждения: «Подпись пошла хотя и не очень быстро, но довольно успешно, — и когда, при содействии тогдашнего генерал губернатора кн. М.С. Воронцова, для богадельни был отведен во 2-й части города участок городской земли, то добрая мысль Александра Скарлатовича стала осуществляться живо»⁹.

С разрешения министра Министерства внутренних дел в Одессе для строительства здания богадельни был отведен участок земли в 1140 квадратных саженей, вблизи Михайловского монастыря во 2-й части в VI квартале, на углу Успенской улицы, против внешнего городского бульвара. В 1848 г. приступили к строительству для богадельни нового здания с церковью¹⁰.

Основатель богадельни, публикуя в «Одесском вестнике» ряд материалов, касающихся будущей «Одесской богадельни сердобольных сестер», называет своих предшественников в

созидающем деле ухода за больными. Здесь звучит его высокая оценка трудов императрицы Марии Федоровны по созданию «Института сердобольных вдов»: «Она-то первая основала в обеих столицах огромные и великолепные Вдовьи дома, открыла в них мирное пристанище для жен умерших военных и гражданских чиновников, а из среды призренных ею высокая покровительница вдов и сирот вызвала на вольное и безмездное служение больным способнейших к сему боголюбезному подвигу. С тех пор сердечные труженицы сменяются на страже больничных палат в казенных заведениях и отряжаются служить больным в частных домах, по требованию страждущих. Мы пожинаем зрелые плоды трудов и попечений венценосной благодетельницы, которая более 25 лет не утомлялась в любимом ею деле христианского милосердия, обнимавшем в России весь состав женского воспитания, все отрасли и виды призрения»¹¹.

А. С. Стурдза в своей статье отмечает значение и открывшейся незадолго до этого, в 1844 г., в Санкт-Петербурге первой Общины сестер милосердия: «...кроме величественных созданий царственной благотворительности, в Петрополе недавно возникло и упрочилось заведение, управляемое госпожою Биллер, в котором, по прошлогодним сведениям, образовалось и находилось налицо не менее 26 сердобольных сестер. Они служат больным безмездно, обучают и призывают малолетних. Все это исполняют оне — не по ремеслу или расчету, но по обету и внутреннему призванию»¹².

Далее А. С. Стурдза обосновывает необходимость воссоздания уже давно выношенного им плана благотворительного заведения: «Но Отечество наше так велико и необъятно, нужды несметных миллионов людей выказываются в таких исполинских размерах, что первые признаки улучшения в призрении больных далеко еще не удовлетворяют общественные потребности. И подлинно, больницы должны быть средствами к двоякому исцелению страждущих по душе и телу. Но этой высокой и спасительной цели едва ли когда успеют достигнуть самые надежные

⁷ Стурдза А. С. Взгляд на богоугодные заведения Одессы. Одесса, 1843. С. 4.

⁸ Там же.

⁹ Воспоминания об Александре Скарлатовиче Стурдзе. С. 55.

¹⁰ Одесская Стурдзовская богадельня сердобольных сестер // Прибавления к «Херсонским епархиальным ведомостям». 1874, № 4. С. 109.

¹¹ Одесский вестник. 1848. № 13 (14 февр.).

¹² Подробнее см: Блохина Н. Н. К истории первой в России Санкт-Петербургской Свято-Троицкой общины сестер милосердия // «Традиции и современность»: Научный православный журнал. 2011. № 11. С. 65–76.

врачи и ревностные иереи, без соучастия женского пола. По следам нашего Спасителя и его учеников издревле шли св. жены миросиццы. Одинокие или закостенелые во грехах больные почерпают утешение и отраду в терпеливой и даже мелочной заботливости о них женского сердца».¹³

Обозревая уже действующие в Одессе благотворительные учреждения, он отмечает, что, к сожалению, в Одессе нет «рассадника сердобольных приставниц»: «Это доказано многими опытами и этого, именно недостает в нашей полувечерней Одессе, которая гораздо моложе иных старожилов своих. Есть у нас великолепные храмы, с каждым годом умножается у нас число безмездных школ, сиротских домов, детских приютов и между ними возвышается Девичий монастырь, назначенный для воспитания сирот духовного звания, городская больница благоустроена, в тюремном замке неусыпно хозяйствует тюремный комитет; престарелые нищие имеют для себя верное убежище, но при всем этом обилии богоугодных заведений, у нас еще нет *рассадника сердобольных приставниц* (выделено нами. — Н.Б.), к отраде лежащих в немощах, о коих непрестанно молится мать наша — святая Церковь». Далее А. С. Стурдза перечисляет то, что уже стало воплощением давнозадуманных им планов: «Для воспоминания всеми ощущаемого недостатка недавно слились желания и усилия горсти благонамеренных людей; открыта частная добровольная подписка, в которой принял прямое и ободряющее участие кн. М. С. Воронцов. Проект устава для предполагаемого заведения уже составлен и вскоре поступит на рассмотрение высокого начальства, денежный сбор для сей святой и спасительной цели с каждым днем усиливается и подает самые утешительные надежды на успех. В образцовой богадельне, которая будет вместе и рассадником сердобольных сестер, предполагается помещение на 24 кровати, для одних больных страждущих женского пола, по крайней мере, до тех пор, пока юное нарождение любви христианской укоренится, окрепнет и по указаниям опыта ближе подойдет к возможному совершенству». Подписана статья просто и лаконично: «Стурдза. Одесса, 5 февраля 1848 г.»¹⁴

Журнал «Одесский вестник» становится тем периодическим изданием, где А. С. Стурдза подробно раскрывает жителям Одессы, как шаг за шагом продвигалось дело, которому он отдал все свои силы, все свое время: «Учредители предположений к устроению в Одессе частной богадельни сердобольных приставниц, для безмездного служения больным женского пола, долгом поставляют довести до сведения сограждан своих, принимающих деятельное участие в деле богоугодном, что на основании полученного от правительства разрешения, сбор приношений будет продолжаться; составление же плана и заготовление материалов для постройки начнется немедленно.

Денег наличных имеется в сборе около девяти тысяч рублей серебром. По просьбе учредителей и на основании представленного им проекта устава, Совет Императорского Человеколюбивого Общества изъявил готовность свою к принятию предположенной богадельни под непосредственное свое Ведомство.

Нашлись некоторые ревностные и благо-воспитанные христиане, которые заранее вызываются на подвиг боголюбезный и предполагают безмездные услуги свои возникающему заведению христианского милосердия. Представив, таким образом, краткий отчет в действиях и успехах своих до настоящего времени, учредители богадельни, в твердом и единодушном уповании на милость Божию, снова обращаются к благотворительным согражданам, просят усиленной помощи, дабы начатое христианское предприятие, столь необходимое для страждущих и больных в многолюдной Одессе, могло, наконец, осуществиться ... на пользу городских жителей и во славу Подателя всех благ».¹⁵

30 марта 1849 г. была осуществлена «закладка нового здания с водосвятием и молитвою»¹⁶. Но, к сожалению, собранных по благотворительной подписке средств не хватало для его завершения. Реальную помощь оказал кн. М. С. Воронцов, глубоко сочувствовавший этому благотворительному начинанию. Он исходатайствовал из Одесской городской казны 10 000 руб. серебром в виде беспроцентного займа на 25 лет¹⁷, что дало возможность богадельне

¹³ Там же.

¹⁴ Одесский вестник. 1848 г. № 13. (14 февраля).

¹⁵ Одесский вестник. 1848. № 89 (6 ноября). С. 465.

¹⁶ Одесский воскресный листок. 1876. № 4. С. 55.

¹⁷ В то же время собрано было пожертвованиями 18 658 руб. На эти деньги сооружено было здание богадельни с церковью, которое обошлось в 27 131 руб.

в первые же годы ее существования обрести устойчивость для дальнейшего развития.

Следует помнить, что Одесская богадельня сердобольных сестер создавалась в рамках Ведомства Императорского Человеколюбивого общества, деятельным членом которого состоял А. С. Стурдза. Именно в рамках этого Ведомства и появился «Институт сердобольных сестер» — обновленный, стоящий на твердом православном основании «институт отечественного женского ухаживающего персонала». Поэтому устав Одесской богадельни сердобольных сестер был представлен на утверждение в Совет Императорского Человеколюбивого Общества.

Хлопоты о создании Одесской богадельни сердобольных сестер не прекращались. Сохранилось письмо в Одессу от 16 июля 1849 г. учредителей преосвященному Иннокентию архиепископу Херсонскому и Таврическому.

«Ваше Высокопреосвященство

Милостивый Государь и Архипастырь!

Учредители Одесской частной богадельни сердобольных сестер, высоко цепя любвеобильное расположение Ваше к их предприятию, в заседании, бывшем 6-го сего июля, единогласно положили: изъявить Вашему Высокопреосвященству чувствования живейшей благодарности, коими они преисполнены, за участие словом и делом, какое Вы, Владыко, благоволили принять в успехе начатого ими Богоугодного учреждения. В архипастырском благоволении и содействии Вашем ниже подписавшиеся видят вернейший залог дальнейших успехов на избранном ими новом и многотрудном поприще безмездного служения больным, ради Господа нашего Иисуса Христа; а потому они убедительно и единодушно просят Вас о дозволении сопричислить Ваше Высокопреосвященство к составу учредительной комиссии, занимающейся устроением Одесской богадельни, в качестве первенствующего члена ее и вместе ходатая, смеем сказать, природного по всем соображениям и нуждам нововозникаю-

щего дела Божия. В ожидании благосклонного и одобряющего отзыва Вашего, нижеподписавшиеся, поручив самих себя и подвиг своей отеческим Вашим молитвам, имеют честь пребыть с достодолжным высокопочитанием и благодарною преданностию. Вашего Высокопреосвященства покорнейше к услугам Александр Стурдза, Егор Карузо, доктор Дмитрий Даллас, Виктор Энно, кн. Евгений Гагарин»¹⁸.

Так, с благословения архиепископа Херсонского Иннокентия (Борисова)¹⁹, принявшего самое деятельное участие в осуществлении идеи основателя Одесской богадельни сердобольных сестер, она начала свою деятельность на пользу страждущего человечества.

Глубоко верующий человек, А. С. Стурдза в течение всей своей жизни размышлял о судьбах Православной Церкви. Его духовным наставником стал митрополит Московский Филарет (Дроздов), которому, несомненно, было известно о созидательных трудах Александра Скарлатовича. А. С. Стурдза же, без сомнения, находясь с ним в постоянной переписке, советовался со святым по всем делам, связанным с организацией Одесской богадельни сердобольных сестер²⁰. Именно ему, он, в частности, писал: «С благословением многоценный дар отеческой руки Вашей: Слова и речи к пастве Христовой я имел радость получить при письме Вашем и принял с чувством благоговения, и теперь я богат звуками Вашей цевницы духовной — услаждавшей и вразумлявшей молодость мою еще с 1816 года... У меня теперь три полных экземпляра „Слов и речей“, кроме прежних изданий... Я, греческий, премного-му научился от Вас и у Вас»²¹.

Известно, что от митрополита Московского Филарета Одесская богадельня получила пожертвованное им в 1851 г. облачение священника, долго хранившееся в ризнице ее церкви.

Совет Императорского Человеколюбивого общества во главе с его главным попечителем митрополитом Новгородским и Петербургским

¹⁸ Письма А. С. Стурдзы к Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому. Одесса, 1894. С. 30–31.

¹⁹ Архиепископ Иннокентий Херсонский (1800—1857) является одним из наиболее ярких церковных деятелей в эпоху Николая I. Он состоял в переписке с такими государственными и военными деятелями, как С. С. Уваров, А. С. Норов, П. Д. Киселев, Я. И. Ростовцев, А. С. Меншиков, И. Ф. Паскевич и др. В 1836 г. его избрали членом Российской академии по отделению русского языка и словесности. Он был близок или хорошо знаком с Н. В. Гоголем, М. Н. Погодиным, С. П. Шевыревым, А. К. Толстым, А. С. Хомяковым, Н. В. Кукольником, А. И. Кошелевым, М. А. Максимовичем, Н. Ф. Щербиной и другими писателями и учеными.

²⁰ А. С. Стурдза хорошо знал, тронувшие его душу напутственные слова, сказанные святителем Филаретом Московским, в «Слове, обращенном сердобольным вдовам».

²¹ Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету. СПб., 1900. С. 231. Позднее, когда А. С. Стурдза уже ушел из жизни, митрополит Московский Филарет писал, что «покойный Стурдза был человек просвещенный и любитель мира церквей греческой и российской». — Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету. СПб., 1900. С. 234.

Никанором тщательно изучил и одобрил представленный проект Устава Одесской богадельни сердобольных сестер согласно с заключением Министра внутренних дел. Окончательное, Императорское, утверждение «Устава Одесской богадельни сердобольных сестер», согласованное с заключением Министра Внутренних дел, произошло 22 января 1850 г., с пометкой «в порядке опыта»²². 1 ноября 1850 г. три первые сердобольные сестры «с водосвятием и молитвою» введены были в уже готовый дом, «дабы предназначать служение свое и добровольно подвергнуть себя испытанию в продолжение целого года». Всего при открытии богадельни было 11 приставниц за больными. 21 ноября 1850 г. освятили храм богадельни, посвященный иконе Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радости», причем преосвященный Иннокентий обратился к испытуемым сестрам с такими словами: «Она — Мать всех скорбящих, а вы будьте сестрами для них». Через год, «21 ноября 1851 г. две старшие сестры учили обет сердоболия и по уставу приняли золотой наперсный крест». Н. В. Неводчиков, современник этих событий, свидетельствовал: «Дело доброе осуществилось и мало-помалу начало развиваться...»²³.

Строительство здания богадельни, производимое на пожертвования, было окончено в ноябре 1850 г. Целью нового лечебного заведения было «призрение больных женского пола и обучение желающих ухаживать за ними». Оно состояло из больницы на 24 кровати (3 палаты) и отделения «сердобольных сестер».

Руководящими положениями для сестер первой созданной общине милосердия стали попечение о больных, утешение скорбящих, воспитание бесприютных детей, нравственное исправление впавших в пороки²⁴. Это «может быть только делом такого личного подвига, которому человек отдает себя всецело, безукоризненно и беззаветно».

«Не всякому дано принять на себя и довершить до конца этот подвиг», — говорится далее в „Историческом очерке“, — Один по немоши своего здоровья не в силах вынести напряженного

труда, другой, движимый вначале благородным порывом, не находит потом в себе достаточной устойчивости и терпения для однообразного будничного дела. Поэтому принятие на себя подвига служения страждущим возможно лишь после предварительного испытания своих сил и способностей, а принятное раз намерение должно быть основано на твердой решимости проходить служение ближнему, как требует того *величие и святость подвига*²⁵ (курсив мой. — Н.Б.).

Изложенные выше принципы, послужившие основой при осуществлении идеи А. С. Стурдзы, свидетельствуют, в какой степени существование подобных учреждений представлялось делом полезным и даже необходимым.

В «Одесском вестнике» за 1850 г. сохранились подробные сведения о том, как 1 ноября 1850 г. происходило открытие нового одесского благотворительного заведения в день, приуроченный к памяти св. бессеребренников и чудотворцев Козьмы и Дамиана: «В этот знаменательный день три сердобольных сестры, давно ожидавшие первое мановение свыше, а именно, г-жи Рещикова, Линина, Юрисова введены были в дом безличного призрения больных, с водосвятием и молитвою, дабы предназначать служение свое и добровольно подвергнуть себя испытанию в продолжение целого года»²⁶.

Для молодого Неводчикова — единомышленника А. С. Стурдзы, а также свидетеля непростых путей созидания «Дома сердобольных сестер», было очевидно, что здесь создавался Дом с большой буквы, приют для самых близких и родных людей призванных к делу ухода за больными. И, главное, по свидетельству Н. В. Неводчикова, делавших свое дело действительно с любовью. По его словам, «И следил же Александр Скарлатович за развитием его, и содействовал же этому развитию, чем только мог!». Неводчиков воспринимал А. С. Стурдзу почти как духовного старца, окормляющего его и близких. Об этом говорят его следующие строки: «Не распространяясь о том много, приведу здесь некоторое выдержки из писем Божия старца ко мне, уже не жившему при нем: „Яко пчелы сот обыдоша мя заботы по

²² Устав Одесской богадельни сердобольных сестер. Одесса, 1850. С. 1; Одесский воскресный листок. 1876 г. № 4. С. 55. Впоследствии этот устав, сообразно требованиям времени и условиям местной жизни неоднократно изменялся и дополнялся.

²³ Одесский воскресный листок. 1876. № 4.

²⁴ В отличие от Санкт-Петербургской Свято-Троицкой общине сестер милосердия в Одесской Стурдзовской богадельне сердобольных сестер не было «отделения кающихся Магдалин». См.: Блохина Н.Н. «К истории первой в России Санкт-Петербургской Свято-Троицкой общине сестер милосердия». // «Традиции и современность»: Научный православный журнал. 2011 г. № 11. С. 67–76.

²⁵ Одесский вестник. 1850 г. (6 декабря). № 97. С. 1.

²⁶ Там же.

устройству и освящению дома Божия — сего пререкаемого знамения, на которое практически смотрят так многие», — писал А. С. Стурдза 14 ноября 1850 г. Н. В. Неводчикову, — „однако есть надежда совершить дело“. И еще одно свидетельство большой нагрузки падавшей на плечи попечителя в самый первый год действия богадельни, запись от 21 ноября: «Простите же на этот раз друг мой, и не требуйте от меня тихой беседы заочной — никогда»²⁷.

В одном из первых отчетов «Одесской богадельни сердобольных сестер» (1860 г.) было сказано: «Убеждаясь на основании многолетнего опыта в том, что редкие из желающих поступить в отделение сердобольных сестер на испытание оказываются способными исполнить много-трудные обязанности, сопряженные с уходом за больными, и что поэтому они вскоре после вступления большую частью оставляют заведение, комитет распорядился, чтобы все вновь поступающие для принятия звания сердобольной сестры в течение года несли обязанности помощниц сестер при уходе за больными и лишь по выдержании этого предварительного искуса зачисляются были кандидатами на звание сердобольной сестры». ...Подвергшие себя предварительному испытанию и оказавшиеся, по их собственному мнению и убеждению Комитета, способными нести и далее трудные обязанности сестер милосердия, должны были согласно уставу давать обет бескорыстного служения при торжественном возложении на них золотого нагрудного креста в Богаделенной церкви»²⁸.

Посвящение в сестры происходило после совершения Божественной литургии и молебна Богородице перед Ее иконой «Всех Скорбящих Радости», в честь которой освящена была церковь богадельни. Текст клятвенного обещания, как и в петербургской общине, почти полностью (за

исключением одного абзаца) заимствован у сердобольных вдов²⁹.

На посвященных возлагались золотые кресты на зеленой ленте с такими же эмблемами и надписями, как у вдов: «сердоболие» — на одной стороне и образком «Божией Матери, всех Скорбящих Радости» — на другой³⁰. По сути, такое «обещание» являлось гражданской присягой. Эта была присяга «богоугодного служения болящим» и послушания (подчинения), даваемая на время служения в Богадельне, которую можно было оставить «по старости лет, слабости здоровья и другим уважительным причинам».

Как сообщалось в «Историческом очерке» составленном к пятидесятилетию Стурдзовской общины сердобольных сестер в Одессе, Стурдзовская богадельня сердобольных сестер была создана не только по образцу С.-Петербургской общины сестер милосердия, но и «применительно к ее уставу»³¹. Но, очевидно, что именно благодаря А. С. Стурдзе, новое православное медицинское заведение имело существенные отличия по сравнению с образцом. Первой в России С.-Петербургской общине сестер милосердия («Свято-Троицкой» с 1872 г.), в первые годы ее существования, была присуща ориентация на межконфессиональность³². В Уставе же Одесской Стурдзовской богадельни сердобольных сестер оговаривалось, что «в отделение сердобольных сестер принимаются вдовы и девицы всех свободных состояний православного исповедания».

Общежитительный устав, присяга служения болящим, полное непрекаемое послушание настоятельнице, лечащим врачам и священнику-духовнику — это все явились основой нового самобытного «Института сердобольных сестер», основанного на отечественных православных традициях.

²⁷ Воспоминания об Александре Скарлатовиче Стурдзе // Одесский воскресный листок. 1876 г. № 4. С. 54.

²⁸ Там же.

²⁹ Сердобольные вдовы — особый разряд вдов-насельниц Вдовьих домов, учрежденных Марией Федоровной для ухода в «Больницах для бедных» в Петербурге (с 1815 г.) и Москве (с 1819 г.).

³⁰ Императрица Мария Федоровна особо почитала эту чудотворную икону, ныне находящуюся в Спасо-Преображенском соборе Санкт-Петербурга.

³¹ Пятидесятилетие Стурдзовской общины сердобольных сестер в Одессе. Одесса, 1900. С. 28.

³² Писательница Аполлинария Волошун в последней своей работе пишет: «Особенностью российских общин сестер милосердия была их межконфессиональность. В них на равных правах принимались православные, лютеранки и католички. Так, например, при Свято-Троицкой общине были построены две одноименные церкви — православная и лютеранская, в которой также совершались католические богослужения, а первой настоятельницей общине стала англичанка Сарра Биллер, из квакеров, после литургии читавшая и толковавшая сестрам Писание. В 1848 г. в общине состояло 12 сестер милосердия православного вероисповедания, 5 лютеранок и 3 католички. — Волошун А. Блаженны милостивые. Благотворительная деятельность святой вел. кн. Елизаветы Федоровны. М., 2010. С. 130–131. Со своей стороны заметим, межконфессиональность была присуща С.-Петербургской Свято-Троицкой общине сестер милосердия только в самые первые годы после ее создания. В дальнейшем этот вопрос в общине был пересмотрен.

В этой Одесской сестринской богадельне (общине) сердобольных сестер единение духа могло происходить только лишь на основе евхаристического общения её членов-единомышленниц, чего не могло быть в межконфессиональных сестринских общинах. На этом главном фундаментальном основании и зиждалось будущее Одесской богадельни.

Причем нужно отметить, что первоначально (в первые годы своей деятельности) больница в Одесской богадельне принимала заболевших лишь христианских вероисповеданий. И только с течением времени в нее стали принимать иудеев, мусульман и караимов.

Обращало на себя внимание и различие названий заведений в самом начале их пути («богадельня», но не «община») и («сердобольные сестры»³³, но не «сестры милосердия»). В этом явно, мы видим, следование уже действовавшему в то время и в Москве и С.-Петербурге «Институту ухода за больными „сердобольных вдов“». Создатели «Одесской богадельни сердобольных сестер» следовали отечественным православным традициям, а не западным образцам, с их пониманием «общин сестер милосердия».

Новое заведение получило название «Одесской богадельни сердобольных сестер». В названии присутствовало, уже ставшее традиционным имя «сердобольных» т. е. «сердечно болезнующих». В данном случае это имя уже становится применимым для одесских сестер.

«Посвятив себя служению страждущим ближним, сердобольные сестры должны блюсти единение духа в союзе мира» — говорилось в Уставе.

Управление «Одесской богадельней сердобольных сестер» осуществлялось коллегиально — «Комитетом» во главе с попечителем (первым попечителем явился А. С. Стурдза), и входящими в него главным медиком, членом — казначеем, настоятелем церкви и сестрой — надзирательницей. Причем священник в «Одесской богадельне сердобольных сестер» являлся духовником сестер и всего заведения, а не только «главным блюсти-

телем заведения, в нравственном и религиозном отношении», занимающимся «ежедневными увещеваниями, благими советами и молитвами», как указано в первом «Уставе заведения Общины сестер милосердия», опубликованном в «Полном собрании законов Российской Империи»³⁴. Устав запрещал священнику «принимать никакую постороннюю должность», тем самым полностью сосредотачивая его деятельность только лишь на «Одесской богадельне сердобольных сестер».

Старшая из сестер — надзирательница³⁵. Надзирательницу вскоре стали называть «начальница», а позже — «настоятельница», что полностью отвечало характеру ее деятельности. Помимо хозяйственного управления, она также руководит сестрами, «сопровождает, впрочем, свои действия кротостью, чувствами христианской любви и смирения». В Уставе большой акцент был сделан на послушании сестер духовнику и надзирательнице.

В отличие от Петербургской общины сестер милосердия, от сестер требовалось не просто «удостоверение в их хорошей нравственности», а несколько иное: «Нужно, чтобы страждущие чувствовали, что за ними ухаживает истинная любовь, которая вся терпит и николи же отпадает»³⁶.

В первом проекте Устава Одесской богадельни сердобольных сестер, уход за болящими А. С. Стурдза хотел поручить больничным прислужницам в духе христианском, т. е. тем женщинам, которые по доброте сострадательности своего сердца шли на служение больному человеку.

Становление и возрастание «Одесской богадельни сердобольных сестер» происходило под пристальным вниманием светлейшей кн. Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой (супруги кн. М. С. Воронцова), великой княгини Елены Павловны, великой княгини Марии Николаевны, членов Императорской семьи: императора Александра II, императрицы Марии Александровны, императрицы Александры Федоровны, коллеж-

³³ Не случайно, в свое время имп. Мария Федоровна назвала «своих» вдов «сердобольными». В этом она также шла традиционным самобытным путем.

³⁴ Устав заведения Общины Сестер Милосердия // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. XXIII. № 22626, отд. 1. С. 616, 618. § 68 Обязанности священника, как главного блюстителя заведения, в нравственном и религиозном отношениях.

³⁵ Там же.

³⁶ Устав заведения Общины Сестер Милосердия / Полное собрание законов Российской Империи. Т. XXIII. № 22626. Отд. 1. С. 617.

³⁷ Устав Одесской богадельни. С. 12.

³⁸ Одесская Стурдзовская богадельня сердобольных сестер // Херсонские епархиальные ведомости. Приложения. 1874. № 4. С. 113.

ского секретаря Григория Григорьевича Маразли (будущего Городского Головы). На пожертвования благотворителей Одесская богадельня расширяла свою деятельность, благоустраивалась; в больнице учреждались «именные памятные кровати»³⁹. Для состояния подобных кроватей в то время, был необходим единовременный взнос — 1200 руб. серебром.

Первоначально больница предназначалась для одних женщин, потом начали в нее принимать и мальчиков не старше 12 лет, а с 1856 г. в ней было открыто мужское отделение.

В 1851 г. число сестер незначительно увеличилось (первые 15 лет оно не превышало 10), была открыта и 3-я палата, таким образом, больница на 24 кровати была укомплектована. На помошь сердобольным сестрам стали приходить православные жительницы г. Одессы, среди них были представительницы самых различных сословий.

В штат «Одесской богадельни сердобольных сестер», находившейся под управлением Совета Императорского Человеколюбивого Общества, входили попечитель, врач, священник, казначей, надзирательница и эконом. При принятии важных решений именно Совет Императорского Человеколюбивого Общества играл свою ключевую решающую роль⁴⁰. Причем попечитель богадельни был назначаем из дворян, почетных граждан или Одесских первой гильдии купцов. Из 2-х избранных Комитетом богадельни кандидатов в это звание, Новороссийский генерал — губернатор выбирал одного, по своему усмотрению, о чем сообщал в Совет Императорского Человеколюбивого Общества⁴¹. Врач избирался из «известных искусством и благотворительностью медиков г. Одессы, готовых принять на себя обязанность безмездно». По представлению Комитета богадельни, он утверждался в должности Советом Императорского Человеколюбивого Общества. Казначей избирался Комитетом богадельни из граждан г. Одессы и утверждался

в сем звании также Советом Императорского Человеколюбивого Общества.

А.С. Стурдзе удалось не только создать больничную церковь при Одесской богадельне сердобольных сестер, но и наладить церковную жизнь богадельни. Священник определялся по распоряжению епархиального начальства.

Надзирательница определялась Комитетом богадельни, на три года, из лиц женского пола, известных благочестием и христианскими правилами, а впоследствии из сердобольных сестер⁴². Эконома, исправляющего вместе с тем и должность письмоводителя, определял Комитет богадельни.

Причем в Уставе подчеркивалось, что попечитель, врач, казначей и надзирательница исполняли обязанности свои без всякого вознаграждения, а священник и эконом получали сообразное со средствами Богадельни содержание, помещаясь в самом заведении⁴³.

Относительно материального положения богадельни, считалось, что «Одесская богадельня сердобольных сестер» будет содержаться на счет добровольных приношений, платы за лечение и вкладов частных лиц, доколе из этого источника не составится неприкосновенный капитал в таком количестве, чтобы проценты с этого капитала были достаточны для удовлетворения всем необходимым соответственно ее потребностям.

В Уставе Одесской богадельни сердобольных сестер была регламентирована вся многогранная деятельность Комитета богадельни: «Ведению Комитета подлежит вся собственность и здание богадельни сердобольных сестер. Он имеет попечение о преуспевании возлагаемого на него богоугодного дела, как в нравственном, так и в хозяйственных отношениях»⁴⁴. Для этого Комитет должен был «неослабно» наблюдать за достижением цели, предназначенней заведению, за строгим и точным исполнением возложенных на должностных лиц обязанностей, за изысканием средств к обеспечению существования заведения, за пра-

³⁹ «Именные памятные кровати» — распространенная форма «больничной» благотворительности в XIX веке. Обычно любой гражданин мог внести в пользу лечебного заведения определенную сумму денег, часто в память какого-либо человека. Эта финансовая сумма, внесенная в надежный банк, могла позволить полностью обеспечить содержание больного (на проценты с пожертвованной денежной суммы), бесплатно занимавшего кровать. Над кроватью, как правило, висела табличка с именем того в память кого она была создана. См. подробнее: // Забытые отечественные традиции в области организаций российского здравоохранения. // Развитие системы обеспечения качества медицинской помощи в современных условиях и проблемы оптимизации структуры здравоохранения; Материалы шестой научно-практической конференции 24–25 апреля 2001. М., НИИ им Н. А. Семашко ч.2. С. 23–25.

⁴⁰ С.-Петербургский городской архив. Ф. 392. Оп. 1. Д. 68. Устав Одесской богадельни сердобольных сестер. 1850 г. Л. 1 об.

⁴¹ Там же. Л. 2.

⁴² Там же. С. 2. об.

⁴³ Там же. С. 3.

⁴⁴ Там же. Л. 4 об.

вильностью производимых расходов, за исправным ведением приходно-расходных шнуровых денежных книг и за своевременным снабжением богадельни всем необходимым соответственно ее потребностям.

В Уставе было регламентировано и «устройство больницы и отделения сердобольных сестер. Первоначально больница устраивалась на 24 кровати. Причем, в больницу принимались больные всех христианских исповеданий: бедные бесплатно или на счет благотворителей, а достаточные с платою по 8 рублей серебром в месяц». Согласно Уставу, в больницу не могли быть приняты одержимые «прилипчивыми» болезнями и умалишенные.

В отделение сердобольных сестер принимались вдовы и девицы всех свободных состояний православного исповедания от 20-ти до 40-летнего возраста. Однако, Комитету богадельни, разрешено допускать исключения «в отношении к летам» для желающих вступить в это отделение «по особенным уважениям»⁴⁵.

Для получения звания «сердобольной сестры» надлежало подвергнуться предварительному годовому испытанию в самой богадельне. При этом если желающая стать сердобольной сестрой «сама пожелает оставить заведение, в таком случае Комитет оного отпускает ее без всякого затруднения, с возвращением представленных ею документов»⁴⁶. Уставом подробно было регламентировано как происходит принятие присяги: «испытуемая, оказавшаяся, после годичного испытания, совершенно способною к исполнению обязанностей сердобольной сестры, вследствие засвидетельствования о том Комитета богадельни и с разрешения Совета Императорского Человеколюбивого Общества, приводится Священником, по совершении в церкви заведения Божественной литургии и молебна Богородице в присутствии Попечителя, к присяге по прилагаемой при сем форме, и получает знак отличия, состоящий в золотом кресте, с изображением на одной стороне Пресвятая Богородицы с надписью «Всех Скорбящих радость», а на другой с надписью «Милосердие» для ношения на зеленой

ленте»⁴⁷. Указанный знак торжественно возлагался на удостаиваемую звания сердобольной сестры священником.

Таким образом, в «Одесской богадельне сердобольных сестер» принималась прошедшим испытание сердобольными сестрами присяга, уже становившаяся ежегодной и традиционной. И в этом уже явилось следование за ежегодно действующей в то время принятием присяги сердобольными вдовами Московского и С.-Петербургского Вдовьего домов, с присовокуплением на ектену прошения о начатии доброго дела, с чтением над главою новой сестры Св. Евангелия и с приличным после молебна наставлением от священника. Затем новопринятая сестра могла вступить в исправление своей должности»⁴⁸.

Если в старости лет, по причине каких-либо заболеваний и другим уважительным причинам сердобольная сестра принуждена была оставить свое служение, в таком случае Комитет богадельни, с разрешения Совета Императорского Человеколюбивого Общества должен был выдать ей свидетельство с прописанием её заслуг, а в некоторых случаях назначить ей и денежное единовременное пособие, не в награду христианского подвига, а единовременно на первые потребности при переходе к домашней жизни и частным занятиям⁴⁹.

Сердобольная сестра, увольняемая от должности после долговременного усердного служения, могла быть оставлена, с ее согласия, на жительство в богадельне. В таком случае, она сохраняла на все время пребывания в богадельне знак отличия. Сестра, увольняемая же вовсе из заведения слагала с себя звание «сердобольной сестры» и возвращала знак отличия.

Если сестра оказывалась недостойною этого звания надзирательница немедленно информировала об Комитет богадельни, который при внимательном рассмотрении преступка, представлял решение об исключении виновной в Совет Императорского Человеколюбивого Общества, и, получив его разрешение, лишал ее знака отличия, возвращал ее документы, в «возможной скорости» высылал ее из богадельни⁵⁰.

⁴⁵ Там же. Л. 5 об.

⁴⁶ Там же. Л. 6.

⁴⁷ Там же. Л. 6 об. Для сравнения, в Российской Империи к этому времени уже 35 лет действовал «Институт сердобольных вдов»: «Клятвенное обещание» первых 12 «сердобольных вдов» из 16 «испытанных» принял 12 марта 1815 г. архиепископ Михаил Черниговский в присутствии Императорской фамилии. Императрица возложила на них особый знак отличия — золотой крест с изображением Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» и надписью «Сердоболие» на широкой зеленой ленте.

⁴⁸ Там же. Л. 7.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Устав следовал за положением, которое прозвучало в одном из писем имп. Марии Федоровны, касательно негодных к служению сердобольных вдов: «негодных сменять без пощады».

В Уставе в разделе «О обязанностях состоящих при богадельни» была регламентирована деятельность должностных лиц богадельни. Обязанность попечителя богадельни состояла в содействии всеми зависящими от него средствами к благоустройству и удовлетворительному во всех отношениях состоянию этого заведения. Он должен был ходатайствовать по всем делам, касающимся богадельни, пред начальством и «располагать благотворительность ревнителей благочестия в ея пользу»⁵¹.

В должностях врача, согласно Уставу, соединялись две главные обязанности: «добросовестное пользование больных» и «практическое наставление» ухаживающих за ними «сердобольных сестер». Ему непосредственно поручалась врачебная часть богадельни, и никто без его согласия не мог принять участия в лечении больных. От него же зависело разрешение вопроса: приглашать ли в тяжелых случаях заболеваний опытных врачей на совещание — на «консилиум». Под его руководством находился подлекарь, определяемый по представлению врача, Комитетом богадельни, с жалованием по добровольному с ним соглашению. По ходатайству врача, к нему мог быть определен и помощник из медиков, если «последний, — как указывал Устав, — пожелал бы исполнять эту обязанность безмездно»⁵².

Об опасном состоянии больных врач должен был предупреждать надзирательницу, которая без замедления сообщала о том священнику, для напутствия их Святыми Таинствами⁵³. Что касается лекарственных средства, то врач должен был стараться о «получении за самую сходную цену лекарств из вольной аптеки», «доколе не откроется, — как свидетельствовал Устав, — возможности учредить при богадельне свою собственную аптеку». По предметам, требующим денежной выдачи в пользу аптек, врач обращался в Комитет; заготовление же вещей, необходимых для больных, и снабжение их пищей, должно было производиться, по указаниям врача, эконома, при непосредственном наблюдении надзирательницы⁵⁴. О состоянии больницы врач обязан был представлять Комитету богадельни ежемесячные ведомости по данной форме, а в конце года составлять общий отчет. Священник,

независимо от богослужения и «неупустительного исправления треб» над болящими, посещал их сколь можно чаще, принося с собою как им, так и служащим им сестрам, слово утешения, и вдоворяя в них христианскую любовь и безусловную покорность промыслу Божию. Вместе с надзирательницей, он следил за всеми действиями сердобольных сестер, стремясь развить в них «все доброе» и стремясь искоренить «все зло в самом начале», доводя о важных случаях до сведения Комитета богадельни⁵⁵. Надзирательница богадельни поручалась непосредственный надзор за сестрами и хозяйственное управление богадельнею.

Надзирательница распоряжалась занятиями сердобольных сестер. Она, отмечая за неправильным с их стороны «исполнением принятых на себя обязанностей», делала им в нужных случаях надлежащие вразумления, «замечания» и «выговоры», сопровождая, впрочем, все свои действия *крутистию чувства христианской любви и смирения*⁵⁶ (выделено нами. — Н. Б.). Как лицо, заведующее хозяйственной частью богадельни, начальница, должна была экономно производить все необходимые расходы. По сему надзирательница, в начале каждого месяца получала от Комитета «Роспись расходам по содержанию заведения», которой она и руководствовалась.

Сестры руководствовались советами и наставлением священника, как общего духовника заведения. Руководствуясь, как духовная дочь наставлениями священника, сердобольная сестра должна была оказывать совершенное повинование («послушание». — уточнение Н. Б.) надзирательнице, беспрекословно исполнять ее приказания, даже и нелегкие, принимать ее советы, а также принимать со «смирением ее выговоры», всегда памятуя обет послушания, произнесенным пред престолом Божиим⁵⁷.

Согласно Уставу обязанностью сердобольной сестры являлось «хождение за больными». Она должна была строго следовать приказаниям врача и притом не упускать из виду ничего, что могло бы «облегчать страдания болящих». «Строгое наблюдение за своевременным приемом ими лекарств, заботливость об опрятности и спокойствии их, снисходительная кротость, а ино-

⁵¹ Там же. Л. 7 об.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. Л. 8.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Л. 8.

⁵⁶ Там же. Л. 8. об.

⁵⁷ Там же. Л. 10.

гда и твердость характера в обращении с ними, наконец, всегдашняя готовность к исполнению их безвредных желаний — таковые должны были быть, по мнению созидателей Одесской богадельни, — отличительные качества „сердобольной сестры“. Нужно, как утверждал Устав, чтобы страждущие чувствовали, «что за ними ухаживает истинная христианская любовь, которая все терпит и николи же отпадает». Атмосфера в богадельне должна была быть олицетворением мира и согласия. Устав декларировал: «Посвятив себя служению страждущим, ближним сердобольные сестры должны были блюсти единение духа в союзе мира, тем это для них удобнее, что, не внося в богадельню никакой собственности, они имеют тем все общее — одежду, пищу, труд и послушание».

Обеспеченные в содержании, сердобольные сестры не пользовались жалованием, и если им случалось, за услугу больным получить деньги или подарки, обязаны и то и другое предоставить богадельне.

Важный момент: сестры, поступившие в заведение, не имели права держать при себе денег; но если сестра, имеющая деньги, не принимала решения о привнесении их в дар заведению, то должна была или доверить эти деньги своим родственникам или положить в «кредитные уставления».

Сердобольные сестры могли отлучаться из заведения не иначе, как с позволения надзирательницы. Посещение сестры родственниками или сторонними лицами в самом заведении допускалось также только с разрешения надзирательницы (в приемной зале в определенные для того дни)⁵⁸.

В случае необходимости Совету Имп. Человеколюбивого Общества предоставлялось допускать в Уставе, по своему усмотрению, пополнения или изменения. «Устав Одесской богадельни сердобольных сестер» был подписан: главным попечителем митрополитом Новгородским Никанором, помощником главного попечителя кн. П. А. Ширинским-Шахматовым, кн. Петром Мещерским, Федором Прянишниковым, Авраамом Норовым, Федором Дурасовым, Александром Потемкиным, Г. Швериным.

«Устав Одесской богадельни сердобольных сестер» был не просто подписан помощником главного попечителя кн. П. А. Ширинским-Шахматовым⁵⁹, но, как нам удалось выяснить, был создан именно им⁶⁰.

К «Уставу Одесской богадельни сердобольных сестер» была приложена «Форма присяги сердобольных сестер»⁶¹. Вот ее текст: «*Во имя Всеблагого и Всемилосердного Бога, Отца, Сына и Св. Духа. Я, недостойная раба Божия, имя рек, слыша в Евангелии глас Христа Спасителя и Судии мира: „Болен бех и посетиша Мене (Мф. 25:36), понеже сотвориша единому сих братий Моих меньших, Мне сотвориша (Мф. 25:40)“.*

Видя, что Всемилосердный Судия мира приемлет сердобольное служение болящим, как бы оное Самому Ему оказано больному. Желая, сколько немощь естества человеческого позволяет, подражать сердоболию Господа моего Иисуса Христа из любви к страждущему человечеству исцелявшего всякий недуг и всякую болезнь и сердоболию Пресвятая Матери Его, радости всех скорбящих и таковым искренним расположением,

⁵⁸ Там же. Л. 11 об.

⁵⁹ Князь Платон Александрович Ширинский-Шахматов, министр народного просвещения академик (1790—1855 гг.). Образование получил в Морском кадетском корпусе, откуда был выпущен в 1807 г. мичманом. В 1813 г. в чине лейтенанта участвовал в военных действиях русского флота под Ланцигом. В 1816 г. вышел в отставку, а в 1820 г. вновь поступил на службу в Военное Министерство, где был назначен на должность начальника отделения Инженерного департамента. В 1828 г. он был избран в действительные члены Академии Наук. В 1833 г. П. А. Ширинский-Шахматов назначен директором Департамента Министерства народного просвещения, а с 1842 г. являлся товарищем министра, с оставлением управляющим Департаментом до 1844 г. С 1834 г. до 1850 г. занимал также должность председателя Археографической комиссии. Князь Ширинский-Шахматов, по отзыву Никитенко «был добр и по природе и по убеждению христианин, справедлив, прост и добродушен». Являясь первым председателем Археографической Комиссии, содействовал издательской деятельности последней, которая началась с 1836 г. 29 января 1850 г. назначен Министром народного просвещения и эту должность занимал до смерти. В течение первых восьми лет деятельности Второго отделения Академии наук был председательствующим в нем. За это время отделением был издан «Словарь церковно-славянского и русского языков», Ширинский-Шахматов занимался и литературой. Его произведения состояли из ряда религиозно-нравственных и патриотических стихотворений и биографических очерков. Среди них «Опыты духовных стихотворений» «Ода на кончину князя Кутузова Смоленского», «Похвальное слово императору Александру», «Слово о вспомоществовании страждущему человечеству», «Похвальное слово императрице Марии Федоровне».

⁶⁰ В книге Н. В. Елагина «Очерк жизни и трудов кн. П. А. Ширинского-Шахматова» (СПб., 1855 г.) мы имеем прямое указание о том, что именно П. А. Ширинский-Шахматов являлся автором «Устава Одесской богадельни сердобольных сестер».

⁶¹ С.-Петербургский городской архив. Ф. 392. Оп. 1. Д. 68. Устав Одесской богадельни сердобольных сестер. 1850. Л. 12.

по доброй моей воле и усмотрении начальства, вступая в утвержденное Высочайшего волею Его Императорского Величества Государя Императора Николая Павловича звание сердобольных сестер принимаю ныне присягу в том: „Что доколе сил моих станет употреблять буду все мои попечения и труды на богоугодное служение болящим братьям моим человекам и христианам“; „Что буду проходить сие богоугодное служение с искренним милосердием к страждущему человечеству и послушанием постановленному начальству“; „Что буду тщательно наблюдать все, что по наставлению врачей признано будет полезным и нужным для восстановления здоровья вверенных моему попечению болящим. Все же вредное для них и запрещенное врачами всемерно удалять от них“; „Что по долгу христианского милосердия, не только буду пешия о телесном, но и о душевном здравии болящих, и посему святому долгу буду сердцем и устами приносить за них молитву Богу и Господу Иисусу Христу врачу душ и телес и Пречистой Матери Его, Радости всех скорбящих“. Во всех сих, и сим подобных действиях звания, торжественно ныне мною восприемляемого, да поможет мне Господь Бог благодатию своею.

Во свидетельство же верного моего намерения свято исполняет восприемление ныне должности и в утверждение сей моей клятвы; целую слова и крест Спасителя моего. Аминь»⁶².

Первоначально, при открытии богадельни, учредители предполагали знакомить сестер с их обязанностями путем устных разъяснений, но вскоре оказалось нужным составить «Наставления сердобольным сестрам» с подробнейшим изложением правил для сестер. Эти «Наставления» имели целью преподать сестрам все необходимые советы сообразно двум главным отраслям их служения.

Совет Императорского Человеколюбивого Общества еще в 1851 г. при самом начале деятельности Стурдзовской общины, обратил внимание на этот проект инструкции для сердобольных сестер и, рассмотрев и одобрав его, тогда же предположил напечатать его с тем, чтобы и другие учреждения, имеющие целью призрение

больных, могли со временем извлечь из этого издания практическую пользу. Констатируя этот факт, составитель «Отчета Общины за 1851 год» счел своим долгом оговорится, что «письменное руководство», даже сердобольным сестрам, «исполнялось ими и прежде по внушению совести и что они помнят и свято исполняют слово Преосвященного Иннокентия», проникновенно сказанное им в день освящения богаделенной церкви в имя иконы Богородицы «Всех скорбящих радости»: «Она — Матерь всех скорбящих; а вы будьте сестрами для них»⁶³.

«Разумеется и вне, как внутри богадельни, сущность служения их одна; за всяким болящим ухаживать безразлично, молитвенно, неусыпно и безмездно, так чтобы страждущие чувствовали, что за ними ухаживает истинная христианская любовь, которая вся терпит и неколиже отпадает, так чтобы эта любовь была для всех больных и здоровых непрестанным христианским поучением; тем же мене, сестре нужно же сообразовываться с местом служения, и сестру учит наставление с молитвою входить в дом богадельни, с осторожным смирением жить в нем, служить больному пред лицом Господа; и только по причинам особенно, например, по крайнему изнурению сил наставления позволяют сестер — просить комитет о смене или отозвание ея в богадельню»⁶⁴.

При основании общины деятельность их разделялась на уход за больными, призвеваемыми в богаделенной больнице, и на уход за больными в частных домах. И в то же время «сердобольных сестер» в богадельне было мало, едва ли достаточно для удовлетворения ее внутренних потребностей. Но, все-таки, нельзя не отметить, что уже и за такой незначительный промежуток времени существования богадельни и при такой ограниченной деятельности вне стен ее, сестры все же смогли приобрести известность у городского населения Одессы.

В «Отчете Комитета богадельни сердобольных сестер за 1851 год», между прочим, отмечалось: «Любвеобильная забота сестер о больных, не лишалась со временем и земной награды; например, одна из старших сестер получила недавно из Италии письмо, вовсе неожиданное, в котором молодая страдалица, бывшая на ее руках в Одессе, во время самой мучительной болезни выражает ей чувство нежнейшей

⁶² Там же. С. 13–13 об.

⁶³ Пятидесятилетие Стурдзовской общины сердобольных сестер в Одессе. Одесса. 1900. С. 32.

⁶⁴ Там же.

благодарности, в самых умильных выражениях⁶⁵.

Согласно Уставу и упомянутым наставлениям, в обязанность сердобольных сестер входило безусловное подчинение приказаниям врача и чуткое отношение ко всему тому, что может облегчать страдания больных.

Кроме того, сестрам вменялось в обязанность читать иногда вслух «для утешения страждущих и для вразумления тех, кои вступают в период выздоровления»⁶⁶.

В книге «Пятидесятилетие Стурдзовой общины сердобольных сестер в Одессе» (1900 г.) было констатировано, что, несмотря на частую смену сестер, все эти обязанности, как и другие, возлагавшиеся на них по хозяйству богадельни, выполняли они очень добросовестно, и составители всех годичных отчетов за истекшее 50-летие единодушно отмечали их «подвижническое, бескорыстное служение страждущему человечеству»⁶⁷.

При самом открытии богадельни, в нее в качестве испытуемых вступили 3 сестры, как свидетельствовал «Юбилейный сборник посвященный Одесской богадельне сердобольных сестер», затем «в течение первых 15 лет ее существования число сестер, часто менявшихся, редко поднималось выше 10»⁶⁸. Труд по уходу за страждущими больными был напряженным и тяжелым, что лишний раз подтверждалось фактами частого ухода сестер из Одесской богадельни⁶⁹.

В это время, пришла помощь с самой неожиданной стороны. Некоторые лица, принадлежавшие к высшему кругу общества, стали посвящать свободные дни и ночи уходу за больными в богадельне. Взяя часть туда на свои плечи, эти дворянки разделили и облегчили труд сердобольных сестер⁷⁰.

Но, к сожалению, один из отчетов Одесской Стурдзовой богадельни сердобольных сестер свидетельствует: «напротив, некоторые из ближайших и нарочито-призванных не устояли в служении своем. Дар постоянства не всякому ниспосыпается; и в самых тесных пределах сбы-

вается слово Спасителя, объемлющее весь мир: „мнози суть звания, мало же избранных“»⁷¹.

Как только несколько увеличилось число сестер, то и появилась возможность расширить деятельность по уходу за больными в частных домах. Но, что важно, при этом «не лишая призреваемых в богадельне больных материнского о них попечения сестер»⁷².

Духовенство Св. Михайловского прихода, в котором находилась богадельня, стало обращаться к ней за оказанием медицинской помощи для беднейших прихожан. Уже по указаниям священника Михайловской церкви сердобольные сестры посещали их «убогие жилища страдания и нищеты», принося «страждущим и утешение и своевременную врачебную помощь»⁷³.

Важнейшим документом того времени, когда «Одесская богадельня сердобольных сестер» делала свои первые шаги, явились «Наставления сердобольным сестрам» вышедшие в свет в 1852 г. Полное название этого документа - «Наставления сердобольным сестрам в деле добровольного их служения больным и страждущим ради Господа нашего Иисуса Христа в богадельне и вне оной».

В Наставлениях были выделены следующие основные разделы: «Предварительные понятия»; «Правила для хождения за больным в самом заведении»; «Наставления для хождения за больными вне заведения».

Это издание на своем титульном листе не имело фамилии автора. По нашему мнению, этот историко-медицинский памятник, оставленный нам от прошлого, несомненно, имел своими создателями, тех людей, которые стояли у истоков основания богадельни и среди них — Александра Скарлатовича Стурдзу.

А. С. Стурдза, благодаря своей неиссякаемой любви к людям, душевному благородству и подвижническому складу — явился одним из тех выдающихся представителей дворянства России, кто стремился к лучшему устроению помощи страждущим людям. Он, судя по своему участию в составлении «Наставлений сердобольным сестрам», становится для сердобольных сестер

⁶⁵ Там же. С. 32.

⁶⁶ Там же. С. 31.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 32.

⁶⁹ Вплоть до сегодняшнего дня все медицинские работники, которые имеют отношение к делу лечения и ухода за больными испытывают проблемы с психо-эмоциональной адаптацией. На эту тему опубликовано достаточное число научных работ.

⁷⁰ Там же. С. 32.

⁷¹ Там же. С. 32–33.

⁷² Там же. С. 33.

⁷³ Пятидесятилетие Стурдзовой общины... С. 33.

не просто наставником, но фактически — «учителем труженической жизни».

В «Наставлениях» сестры должны были получить ответ на стоящие перед ними вопросы: Что значит быть «сердобольной сестрой» с точки зрения православной христианки? Как она должна трудиться около больного, как быть ей настоящей «хожатой» за больным?

В «Предварительных понятиях» помещенных в начале книги, авторами «Наставлений сердобольным сестрам» предусмотрительно обращенным к сердобольным сестрам было сказано следующее: «Спаситель наш Господь Иисус Христос в Евангелии от Матфея (Мф. 25:31 — 46), указывая на различные виды и отрасли деятельного милосердия к ближнему, как-то: насыщение алчущих напоение жаждущих, странноприимство во имя Его, одевание нагих, посещение болящих и в темнице заключенных, — благоволил запечатлеть сии заповеди великим, неложным обещанием: «Аминь глаголю вам: понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших — Мне сотвористе». В этих словах, которые не прейдут и тогда даже, когда небо и земля мимо идут, заключается весь дух и вся сила подвига сердобольных сестер».

То как должно было проходить сердобольное служение больным получило свое выражение в главных основополагающих положениях «Наставлений сердобольных сестер»: «И так, если служение болящим вменяет Господь в службу, оказываемую Ему Самому — то всякая христианка дающая добровольно обет безмездно у служить больным, обязана проходить многотрудное свое служение: а) молитвенно, ибо служит она самому Сыну Божию; б) долготерпеливо, в) безпристрастно и без малодушия, ибо ея любви к страждущим не должно быть ничего личного; г) разумно, чтобы к усердию приложить умение; д) бескорыстно не потому, что сердобольная сестра на земле обеспечена во всем потребном для жизни, но паче потому, что награда ея в собственной ея душе и на небесах. Наконец, да служит она Христу; е) радостно, непринужденно, как верная раба Господня, являя больным лицо кроткое, светлое, и все, чем только может знаменовать сочувствие к их страданиям и немощам, т. е. истинное сердоболие».

Как осуществлять служение больным? Главное, что можно вынести из раздела «Предварительных понятий», было следующее назидание созиате-

лей Одесской богадельни сердобольных сестер: «Где бы и кому бы ни служила сердобольная сестра бедным или богатым, престарелым или детям, строптивым или терпеливым, всеми силами да тщится она призревать их в духе молитвы, долготерпения, беспристрастия, бесстрашия разума, бескорыстия и тихой радости о Душе Святе»⁷⁴.

В Наставлениях еще раз было подчеркнуто, каким образом сердобольная сестра осуществляет свое служение: «Подвиг служения больным бывает для сердобольных сестер двоякий: „в самом богоугодном заведении“, и „вне онаго по домам“, вследствие распоряжений главного медика и попечителя богадельни».

Создатели «Наставлений сердобольным сестрам» выделили основные направления в деятельности сердобольных сестер по уходу за больными: «Дело служения сестер заключает в себя еще следующие „виды“ и „отрасли“: а) болезни хронические, б) острые, иначе скоро действующие, в) раны и хирургические операции, г) надзор за выздоровевшем, д) служение предсмертное, е) назидание страждущих вообще примером, словом, чтением, устною, обычно тихою молитвою, кратким вразумлением»⁷⁵.

«Наставления сердобольным сестрам» были, несомненно, полезны для живших в богадельне сердобольных сестер. Наставления наглядно показывали значимость их труда по уходу за больными. Наставления явились тем самым документом, который показывал, как обходиться с самыми разными категориями больных. И уже тогда становилось понятным насколько важно, чтобы в центре «Наставлений» встал нравственно-этический аспект труда «сердобольных сестер», (прежде всего, духовно-нравственные качества сердобольных сестер, их взаимоотношения с больными).

Тогда же в Наставлениях отчетливо прозвучало, что служение сердобольных сестер понималось современниками как святой подвиг. На страницах «Правил для хождения за больным», входящих в «Наставления сердобольным сестрам» в самом заведении мы встречаемся со всеми аспектами служения сердобольных сестер страждущим: «Сердобольная сестра, выдержав испытание в течение целого года, дает обет добровольного служения больным по образцу присяги, приложенной к уставу заведения и получает из рук священника крест для ношения

⁷⁴ «Наставления сердобольным сестрам» Одесса. 1852. С. 4.
⁷⁵ Там же. С. 5.

на груди как видимый знак внутреннего креста самоотвержения, ею восприемлемого по заповеди Христовой: иже хощеть ко мне ити, да отвергнется себе и возмет крест свой и по мне грядет»⁷⁶.

Для сердобольной сестры, дававшей в церковном храме обет служения больным, главным являлось послушание духовному отцу, главному медику, попечителю и надзирательнице богадельни. Именно указанное послушание стало основополагающим среди всех уставных положений богадельни. Причем в Наставлениях оговаривалось условия принятия обета служения больным. Во 2-ом пункте в «Наставлений сердобольным сестрам» было указано: «Удостоенная звания сердобольной сестры дает обеты срочные или безсрочные, как сама пожелает, однако не пожизненные. С обетом добровольного служения неразрывно соединяется обет вольного послушания начальствующим, т.е. сословию учредителей, духовному отцу, главному медику, попечителю Богадельни и надзирательнице»⁷⁷.

Находясь повседневно рядом с больными, сердобольные сестры как помощницы врачей должны были быть внимательны и подмечать все изменения в организме, находящихся под их попечением больных.

В стенах богадельни, каждая из сердобольных сестер проводила регулярно в порядке очередности свои суточные дежурства. В 3-пункте «Наставлений сердобольным сестрам», в связи с этим было сказано: «Будучи на чреде, она принимает и исполняет в точности предписания медика, подает больным лекарства, внимательно следит за всеми переменами в ходе болезни⁷⁸, чтобы потом донести обо всем случившимся медику, выслушивает жалобы страждущих терпеливо, вспышки больных и упреки переносит без всякого раздражения и только в случае требований вредных и запрещенных со стороны больного показывает необходимую и непреклонную твердость»⁷⁹.

Для сестер, которые в чреде своего служения страждущим дежурили в ночное время, в «Наставлениях сердобольным сестрам» было

регламентировано то, каким образом, должна была сердобольная сестра проводить ночи, служа больным в стенах богадельни. «По ночам очередная сестра спит в палате, не раздеваясь, и когда услышит стоны болящего, поспешает к нему, утешает, услужливает ему или молится за него. А в случае крайней надобности, она имеет право призвать себе на помощь других сестер; например, когда служение больным будет не по силам ея»⁸⁰.

В «Наставлениях сердобольным сестрам» были продуманы все аспекты работы сердобольных сестер. Учитывая, что при служении сестер были промежутки времени, когда больные спали или не нуждались в их служении, и тогда очередная сестра могла дать себе «некоторый отдых для сбережения сил своих», или «подкрепить себя чтением и внутреннею тихою молитвою» или занималась «легким рукоделием».

Для того, чтобы медицинский персонал — сердобольные сестры — работал уверенно и спокойно каждая из них должна была точно знать свои обязанности согласно «Наставлениям».

Наемные служители и прислужницы, работавшие в богадельне, становились помощниками сердобольных сестер в деле ухода за больными. Эти помощники должны были: «приносить воду, мыть и мести полы, выносить тазы и судна, топить печи, стирать белье, ходить за лекарствами в аптеку»⁸¹. Но при этом, «наемным служителям и прислужницам» даже прикасаться к больным и беседовать с ними было воспрещено. Это становилось прерогативой только лишь сердобольных сестер, трудящихся у постели больных «для блага недужных телесного и душевного».

«Наставления» свидетельствовали, что «обыкновенные обязанности сердобольных сестер состоят в том, чтобы раздавать больным лекарства, перевязывать их раны, перест�лать их постели, делать и прикладывать припарки, подавать им пищу и питье, утешать их и молиться о них. Вышеперечисленные службы сердобольные сестры должны непременно исполнять сами без помощи наемных служителей и прислужниц»⁸². Для сестер не

⁷⁶ Там же. С. 5–6.

⁷⁷ Там же. С. 6.

⁷⁸ В «Примечании» к «Наставлениям сердобольным сестрам», касательно обязанностей сердобольных сестер были конкретизированы следующие из этих обязанностей: сердобольные сестры пусть заботятся об изучении разных искусственных приемов, как то: ставить пиявки, приготовлять разные настойки, припарки, промывательные, отмечать свойства и названия всех простых лекарств, и упражняться в возможно искусном перевязывании ран.

⁷⁹ Там же. С. 6.

⁸⁰ Там же. С. 7.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

должно было существовать «черной работы», «низких служб»: «Если случится иногда ей и воду носить и поднести пол, она все сие исполняет, благодушно, памятуя, что чем смиреннее дело служения, тем оно любезнее Господу»⁸³.

Руководители богадельни были уверены в благотворном влиянии на больных спокойного и размежевенного чтения сердобольных сестер: «находясь при одержимых хроническими болезнями сердобольная сестра имеет более возможности благотворно действовать на них словом, а иногда в промежутки страданий, посредством чтения вслух простого, тихого и внятного»⁸⁴.

Медицинскую помощь острый больным сердобольные сестры должны были осуществлять уверенно и профессионально, сопровождая свои действия молитвой: «При одержимых остройми болезнями как-то: горячкою, лихорадочным бредом, судорогами и т.д. служащая сестра должна помогать болеющему молчаливо и прилежно, не говоря лишних слов, а более действуя тихою молитвою»⁸⁵.

Наставления ориентировали на духовный подход при столкновении сестер с суровой действительностью больницы: «При перевязывании ран, иногда зловонных и отвратительных, истинная сердобольная сестра пусть умеряет порывы невольного отвращения через воспоминание гвоздиных язв и прободенного ребра Господа Иисуса на Кресте. Присутствуя же при хирургических трудных операциях, сердобольные сестры должны были стараться не препятствовать успеху операций малодушием, неуместным и не похвальным. В подобных случаях, если не станет у сестры духа и сил, то лучше ей удалиться на время с твердым, однако же, намерением приучить себя мало по малу к зрелищу тяжкому для слабых или изнеженных душ. Апостол Павел пишет: вся могу, в укрепляющем мя Иисусе (Фил. 4: 13)»⁸⁶.

Больные в богадельне должны были быть окружены любовью и заботой. В «Наставлениях», в связи с этим говорилось: «Вновь поступающим в заведение больным сердобольные сестры должны изъявлять христианское радушие и

приветливость. После обычного умовения и перемены белья, уложив больную в постель, очередная сестра ограждает ее и себя знамением крестным и произносит в полголоса следующую краткую молитву: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, врачу душ и телес наших помилуй нас грешных и ими же вези судьбами спаси нас“»⁸⁷.

Учредители богадельни старались показать, как сестры должны строить взаимоотношения с больными. В центре внимания — православная нравственность: «Наблюдая за нравом, душевным расположением и привычками вверенных ей больных, сердобольная сестра обращается с каждым из них сообразно сделанным ею замечаниям. Со своим равными и сердитыми она поступает несколько строже; унывающих и малодушных она старается ободрить и утешить, тех больных, кои весьма часто нарушают спокойствие прочих без всякой достаточной причины, сердобольная сестра унимает сперва кротко, потом со властью и, наконец, в крайних случаях, призывает к себе на помощь старшую сестру или священника заведения»⁸⁸.

Мы останавливаемся на широком круге обязанностей сердобольных сестер. С нашей точки зрения это важно, так как сердобольные сестры, работавшие в богадельне, являлись самыми ближайшими повседневными помощниками врачей и лекарей. С любовью служа больному человеку, они оказывали всестороннюю помощь больным, влияя на исход болезни.

Сердобольная сестра должна была держать себя с христианским достоинством, помня, что ей вручается самое дорогое — жизнь человека: «Слова непотребные или хульные не должны быть терпимы в богадельне сердобольных сестер. Сами же они в обхождении с больными, пусть не позволяют себе ни малейшего бранного или укоризненного слова. Безумная божба и неприличный хохот никогда ни должны быть слышимы в убежище очистительного страдания»⁸⁹.

«Сердобольные сестры постоянно да памятают и напоминают друг другу, что в оби-

⁸³ Там же. С. 7.

⁸⁴ Там же. С. 7–8.

⁸⁵ Там же. С. 8.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 8–9.

⁸⁸ Позиция сердобольной сестры в обращении с больным от кротости до твердости вызывает в памяти соответствующие параграфы «Устава Одесской богадельни сердобольных сестер».

⁸⁹ Там же. С. 9.

тели безмездного служения больным совершаются двоякое врачевание, т.е. телесное и душевное. Посему они должны смотреть на самих себя, как на прямых союзниц главного медика и священника заведения. Первому сестры да повинуются безусловно в деле *лечения*⁹⁰. Им строго воспрещалось «употреблять какие бы то не было свои домашние лекарства без ведома и согласия медика: это значило бы идти наперекор его стараниям. Священнику же как духовному врачу скорбной паствы, очередная сестра обязана возвещать о всех важных переменах в душевном расположении больных. Ибо от улучения благоприятной минуты для побуждения к покаянию и признанию грехов, зависит нередко вечное спасение убогой и страдальческой души христианской»⁹¹.

Создатели «Наставлений» отдавали себе отчет в том, что путь служения страждущим это непростой путь, и здесь неизбежны искушения. Стремлением помочь «сердобольным сестрам» пережить непростые тягостные минуты в тех или иных случаях, помочь обрести новые внутренние силы для действенного служения больным, были проникнуты многие важные положения из «Наставлений»: «Сердобольные сестры по человеческой немощи могут иногда слабеть духом, впадать в уныние и леность, подвергаться внезапным порывам отвращения к своему святыму служению (подчеркнуто нами. — Н.Б.). Для всех подобных искушений в богадельне устроен храм Божий, поставлен престол милующей и укрепляющей благодати и на нем приносится бескровная жертва. Туда пусть поспешает сердобольная сестра; там в смиренной молитве да почерпает она новые силы, новую благодать для верного исполнения воспринятых ею добровольно многоструных обязанностей. А когда приключится в доме какая-нибудь размолвка (ибо скоры быть не должно) между сестрами подвижницами, та, которая почувствует в себе внутреннее огорчение, пусть войдет одна в церковь и втайне помолится Сердцеведцу о себе и сподвижнице своей. Таким образом, она исполнит святую заповедь: (Мф.5:24) прежде смирился с братом твоим, и тогда пришедши

неси дар твой к олтарю. О распрах и обидах важнейших, требующих оного примирения, пусть ведает и печется, Духовный отец»⁹².

В «Наставлениях» регламентировалось свободное время сестер: «Свободные, досужие от занятий часы, сердобольные сестры могут употреблять на отдых, молитву, рукоделие, дружескую беседу, прогулку в саду, и на чтение назидательных книг по совету священника и попечителя. Для сего при богадельне заводится небольшая библиотека, из коей заимствуются, сочинения полезные и приятные, преимущественно исторического содержания. Младшим сестрам вменяется в обязанность посвящать ежедневно один час на чтение, причем одна из них по очереди читает вслух, а подруги ее слушают, занимаясь женскою работою. Сестры, состоящие в чреде в больнице или по домашнему хозяйству, исключаются из вышеизложенного правила»⁹³.

Значительная часть «Наставлений» была посвящена практическим указаниям и советам. Забота о чистоте в богадельне также входила в обязанности сердобольных сестер. Они должны были хорошо знать основные правила больничной гигиены: прежде всего, содержать в чистоте комнату больного, поддерживать чистоту полов, чистоту постелей больных: «Поелику главное условие всех богоугодных успехов в деле служения больным заключается во внутренней и внешней чистоте трудящихся, так чтобы опрятность наружная в белье и одежде соответствовала чистоте и благочинию души, то сердобольным сестрам подтверждается заботиться непрестанно о чистоте больничных палат, о возобновлении в них свежего воздуха и бдительно присматривать за больными дабы они никак не предавались закоренелым привычкам телесной нечистоты, столь пагубной для здоровья»⁹⁴.

Сама же сердобольная сестра должна была быть образцом дисциплинированности, чистоты и опрятности. Каждая из сестер должна была следить за чистотой своей тружнической одежды. Белоснежный передник и белоснежная косынка (белоснежный головной плат — апостольник) являлись важными составляющи-

⁹⁰ Там же. С. 9–10.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 10–11.

⁹³ Там же. С. 11.

⁹⁴ Там же. С. 11–12.

ми медицинской формы сердобольной сестры: «С этой целью сестры обязаны действовать примером своим, и носить чистую одежду, не запускать ни белья больных, ни своего собственного, и, наконец, во время очередного служения, сколько можно чаще умывать руки, чем одними они могут предохранить себя от влияния вредной испарини и прилипчивости различных струпов и ран, к коим прикасаться неизбежно, а гнушаться их было бы грешно. По сим уважениям каждая сердобольная сестра во время суточного ея служения должна носить белый передник и белую косынку вместо черных, сколько в отличие от неочередных подруг, столько же и для того, чтобы малейшее пятно было заметнее на их служебной одежде»⁹⁵.

«Наставления» в этом случае свидетельствовали о том, что форменная одежда сестер во время их служения больным должна была быть безукоризненной, что и являлось отличием ее от другого служительского персонала богадельни.

По сути, становилось понятно, сестринское дело (во всех его аспектах) состояло в том, чтобы сердобольные сестры могли оказывать всяческое содействие лечебной деятельности врача. А для этого необходимо было создавать не просто благоприятную среду окружающую больных, но во всем поддерживать соответствующую обстановку для их выздоровления. При этом и выявлялась цель сестринского ухода. Ее можно сформулировать следующим образом: сердобольная сестра должна была создать для пациента наилучшие условия для активизации его собственных жизненных сил.

Составителями «Наставлений» неоднократно подчеркивалось основная мысль: служение больному человеку — святой подвиг: «Служение сердобольных сестер принимает высшее значение и характер некоторым образом святой, когда они призываются или ухаживать за выздоравливающими больными или помогать труднобольным, во все продолжение страдания их предсмертного. Здесь начинается подвиг неутомимой любви к ближнему (выделено нами — Н. Б.), ибо по мере возвращающегося здравия, недужные могут быть направляемы к душеполезным размышлением и занятиям. В этом заключается истинный плод болезни; от милосердной ревности

сердобольных сестер будет зависеть успех душевного исцеления выздоравливающих. Напротив того, если сестры будут не радеть об них, считая их, ошибочно, не требующими внимания, то, к сожалению, оправляющиеся больные, по мере восстановления животных сил, могут подвергнуться различным искушениям. Скука, худые помыслы, празднество и греховные мечты о прежней жизни снова возвращаются в душу исцеленного телом. Сего, кажется, довольно, чтобы возбудить внимание и воспаменить благоразумную ревность в уме и сердце истинно сердобольной сестры»⁹⁶.

При выпуске из богадельни выздоровевших больных каждый раз должен был совершаться в церкви благодарственный молебен в присутствии очередной сестры.

Важный аспект сестринской работы — действия сердобольной сестры в момент появления признаков наступления смерти больного — также получило свое отражение в «Наставлениях сердобольным сестрам». Сестра своими молитвами могла помочь тому, кто по неизбежности уходил в мир иной. Если сестра наблюдала проявление первых признаков наступающей смерти, «то своею усердной помощью и молитвою» должна была помочь ему: «Кому если не ей, возлюбившей Крест Господа Иисуса Христа, заняться со всею крепостью духа теми страданиями и опасностями, кои угрожают больному в такие минуты. Чем страдалец слабее и беспомощнее, тем усерднее да подается ему помочь любви и молитвы. Надлежит совершать тогда сугубое служение телу больного и пещись о его душе. Нередко пред смертию на больных, даже покаявшихся, находят страхи, томления, искушения в вере, порывы малодушия и даже ропота. Сидя или стоя у одра умирающих, сердобольная сестра да укрепляет себя мыслию, что Господь Иисус близъ! Пусть представляет себе, что она стоит на одной страже с Ангелом-Хранителем отходящего. И она уразумеет вполне свое высокое служение (выделено нами — Н. Б.)»⁹⁷. Отметив признаки близкой кончины страждущего сердобольная сестра обязана была, не мешкая, пригласить к больному священника.

В «Наставлениях» четко были показаны действия сердобольных сестер в то время, когда к

⁹⁵ Там же. С. 12.

⁹⁶ Там же. С. 13.

⁹⁷ Там же. С. 13–14.

умирающему больному уже приходит священник для исповеди и принятия Святого Причастия. Сердобольная сестра в это время должна быть тактичной и обходительной с больным: «Когда больной или больная пожелают исповедаться, тогда пригласив иерея, сердобольная сестра тотчас приносит ширму или подвижную перегородку к постели кающегося и обставляет постель для того именно, чтобы сколько возможно отделить больную и священника от взоров и слуха других больных. Сама же сестра отходит как можно далее и занимается между тем другими предметами, и в уме и сердце творя молитву о болящем кающемся»⁹⁸.

В «Наставлениях» указаны действия сестер во время исповеди и после совершения Таинств Покаяния и Причащения: «*Наконец, по совершении спасительных Таинств Покаяния и Причащения Телу и Крови Христовой, сердобольная сестра снова подходит к помилованной с кротким и светлым лицом, приветствует ее тихим голосом, всеми мерами охраняет в изнемогающей душе мир Христов, преподанный ей Святыми Таинствами. Это тем необходимо, что весьма часто после приобщения или соборования бывают новые приливы и припадки маловерия, страха и невыразимого томления. В сии то последние часы или мгновения, брань, т. е. борьба верной сердобольной сестры бывает уже не только к крови и плоти, по выражению Апостола Павла, но к духам злобы поднебесным. А после кончины каждого отстрадавшего больного, добрая сердобольная сестра, воздав должное мертвому телу, не забудет священного долга помолиться о упокоении души усопшего во время торжественных поминовений в храме Божием*»⁹⁹.

Подвиг христианской любви к ближнему, проявляемый сердобольными сестрами, требовал укрепления сил и на будущее время для выполнения принятой ими на себя присяги на служение страждущим. Именно в храме «Одесской Богадельни сердобольных сестер» они находили это подкрепление, когда молились в нем и о выздоравливавших больных и об ушедших в мир иной.

Вторую часть «Наставлений сердобольным сестрам» составляли «Наставления для хождения за больными вне заведения», которые под-

робно регламентировали поведение сердобольных сестер в частных домах. В обхождении с болящими, сердобольная сестра должна была стараться соблюдать по возможности все правила, изложенные в первой части «Наставлений». Но уход за больными в частном доме требовал учитывать свои особенности. Так, например, оговаривался довольно щепетильный вопрос о принятии сердобольными сестрами подарков от благодарных больных: «Все, что больной пожертвует из благодарности, принадлежит заведению. Трудившаяся сестра не должна принимать ни денег, ни другого ценного подарка, дабы, во-первых, соблюсти данный обет, а во-вторых, дабы приняв земную награду, не лишить себя Небесной. Позволяется сестре принять от посторонних больных икону, назидательную книгу и тому подобные подарки, не имеющие другой цены, кроме доброй памяти и выражаемого ими чувства благодарности»¹⁰⁰. Продуманы до деталей были все ее шаги: «Сердобольная сестра при входе в частный дом, в который она послана, ограждает себя крестным знамением, смиренно кланяется хозяевам и как скоро ее введут в жилище страждущего, благовейно произносит в полголоса краткую молитву: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, врачу душ и телес наших помилуй нас: Пресвятая Богородице спаси мя грешную, Аминь“»¹⁰¹.

Для сердобольных сестер, в их повседневной работе по уходу за больным на дому важно было не предаваться оговорам и обсуждению назначенного врачом больному метода лечения. Особо подчеркнута в «Наставлениях» дисциплинированность сердобольной сестры и послушание ее лечащему врачу: «Домашнему медику она оказывает такое же послушание, какое имеет к медику, пользующему в Богадельне. А для сего в разговорах с болящими, служащая им сестра не должна позволять себе неосторожных намеков и пересудов относительно способа лечения медика и лекарств от него предписанных».

В разделе «Наставления для хождения за больными вне заведения» мы встречаемся с регламентацией поведения сестры при соблюдении сестринской тайны. Согласно «Наставлениям» сердобольная сестра призывается к соблюдению этой тайны: «*Снискав доверие и расположение страждущих, служащая сестра старается*

⁹⁸ Там же. С. 14–15.

⁹⁹ Там же. С. 15.

¹⁰⁰ Там же. С. 17–18.

¹⁰¹ Там же. С. 18.

не употреблять их во зло. Вверяю от больных тайну, она хранит свято, за исключением только тех случаев, когда утайка может воспрепятствовать выздоровлению. Что же касается до тайн задушевных, то сердобольная сестра да погребет их в глубине души с твердою при том решимостью никогда не открывать их впоследствии никому. Даже духовному отцу больного, не ее дело сообщать заранее те грехи или угрызения совести, в коих болящий признался ей. Она обязана только дружески склонять страждущего грешника или грешницу к полному исповеданию всех грехов во время святой исповеди»¹⁰².

Отмечалось также, что сестринское служение должно было быть ровным и терпеливым по отношению к представителям всех сословий. Всем больным в лечебном заведении необходимо было гарантировать душевное спокойствие. В надежде на медицинскую помощь и сострадание, больной мог быть вызван сестрою на доверительный разговор. Уважая ухаживающую за ним сестру, он мог открыть ей какие-то сокровенные тайны. Но сестра, ни при каких обстоятельствах, не должна была их разглашать.

Мы приводим здесь впервые в историко-медицинской литературе те сведения, где дается характеристика принципов соблюдения сердобольными сестрами — «сестринской тайны»¹⁰³. Создатели богадельни стремились воспитать у «сердобольных» верность своему долгу, который они должны выполнять независимо от возникающих различных обстоятельств.

Складывающиеся доверительные отношения между сердобольными сестрами и больными ни в коем случае не должны были быть нарушены. «Когда больные бывают строптивы, своенравны и запальчивы, — свидетельствовалось в «Наставлениях», — сердобольная сестра противопоставляет болезненным порывам искушаемый души терпение, молчаливую молитву и безмятежную кротость, растворенную необходимую твердостью. При подобных напастях, служительница Христа,

пусть успокаивает себя испытанием собственной совести: имеет ли она равное терпение у ложа убогого страдальца, какое является она у роскошной постели богатого»¹⁰⁴.

В Наставлениях есть замечательные строки относительно того, что сестре нужно избежать в своем служении личного влечения или «пристрастия» к больному: «Служа безразлично всякого рода и состояния больным вне заведения, достойная своего звания сестра должна удерживать себя от всякого личного пристрастия и твердо помнить, что святое служение (выделено нами — Н. Б.) ее приносится Богочеловеку Иисусу Христу, в лице меньших братий Его по заповеди: болен бех и посетисте Мене (Мф. 25:34, 36)». Авторы «Наставлений» старались всячески предупредить сердобольных сестер в их влечениях к тем или иным больным при уходе за ними, что, по их мнению, должно было иметь негативные последствия. «В невольном пристрастии к некоторым больным скрывается опасное преткновение на тернистом поприще безмездного ухаживания за болящими. Как скоро сердобольная сестра поддается увлечению склонности личной, естественно она перестает быть сердобольною сестрою. Подвиг ее становится обыкновенным делом семейной жизни. Малейшее пристрастие с ее стороны поведет неминуемо к несправедливостям, послаблениям и ущущениям прямого долга»¹⁰⁵.

Сердобольным сестрам согласно «Наставлениям» предстоял трудный подвиг в служении больным: они должны были, оказывая медицинскую помощь, следовать в своем больничном служении равным образом различным категориям больных. И в своем труднейшем и нужнейшем людям сестринском деле служения, они должны были «жертвовать своим спокойствием для успокоения больных». Но, создатели Одесской богадельни сердобольных сестер отчетливо понимали, что по человеческой слабости сестры не всегда могли выполнить предписанное им, особенно если служение проходило в частном доме.

¹⁰² Там же. С. 19.

¹⁰³ Если понятие «сестринской тайны» в то время не получило своего раскрытия, то важно, по нашему мнению, соотнести с присутствующим в XIX в. понятием «врачебной тайны». Профессор Императорского Московского университета М. Я. Мудров в одной из своей лекций 1820 г., обращенной к студентам медицинского факультета, свидетельствовал о необходимости соблюдения врачебной тайны: «Начав с любви к ближнему, я должен бы внушить вам все прочее, проистекающее из одной врачебной добродетели, а именно хранение тайны и скрытность при болезнях предосудительных; молчание о виденных или слышанных семейных беспорядках». Во втором и в третьем изданиях БМЭ мы, к сожалению, не найдем статьи под названием «врачебная тайна» или «медицинская тайна».

¹⁰⁴ Там же. С. 19.

¹⁰⁵ Там же. С. 19–20.

В этом случае сестра могла прочить начальство отозвать ее в богадельню, по причине изнурения сил или в виду нравственной опасности.

Согласно «Наставлениям», сестры должны были соблюдать посты в определенные церковью дни: «*Во время установленных Церковью постных дней, служащая вне заведения сестра может и должна просить у хозяев для себя постной пищи, наипаче проживая у достаточных людей; когда же ей доведется быть в убогом семействе, сестра пусть вкушает все, предлагаемое ей, не требуя ничего лишнего, не осуждая грубой пищи и черного хлеба, подносимых ей, не от избытка, а от лишения и скучности неимущих братий. Если сердобольная сестра, находясь у иноческих, не станет требовать лишнего, не будет взыскательна и разборчива, то нет сомнения, что никто не захочет принуждать ее к нарушению церковных правил. Впрочем, лучше в подобных случаях разрешить пост по необходимости, чем преступить заповедь христианской любви*»¹⁰⁶.

Труды сердобольной сестры не исключали и сферы родовспоможения: помохи при родах и после них: «*Сердобольная сестра, и вне и внутри заведения может находиться при больной женщине во время родов. В таких случаях она уступает место свое повивальной бабке, не вмешивается в ее распоряжения, а только ухаживает за больною при необыкновенных припадках и помогает бабке сколько возможно и прилично. Когда боли деторождения окажутся упорными и опасными сердобольная сестра пусть позаботится о душе страдалицы, осторожно внушая окружающим, что нужна духовная помощь. После же разрешения от бремени, в продолжении девяти дней сердобольная сестра должна употребить все свое влияние на то, чтобы родильницу оставляли в покое, и не давали ей раздражительной пищи и горячительного питья. И когда мать, по слову нашего Спасителя: не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир (Ин. 16:21) — тогда благочестивая труженица да помолится внутренно о новорожденном, прося Господа Иисуса о возрождении его в благодатную жизнь*»¹⁰⁷. И здесь, заметим, молитва ставится во главу угла сестринского служения.

Как видно из «Наставлений» сердобольная сестра, присутствуя при родах, не подменяя повивальную бабку, неукоснительно оказывала роженице духовную поддержку. В «Заключении» «Наставлений сердобольным сестрам» еще раз прозвучало то главное, ради чего рассмотренные нами «Наставления» создавались: «*Боголюбезное и многотрудное служение сердобольных сестер во всех видах и случайностях оного сокращается в одно всеобъемлющее правило: помогать безразлично, единственно ради Христа больным всякого пола, возраста и состояния, и помогать двояким образом: телесно, ухаживая за больными и служа им по совести с неутомимостию, любовью и терпением, помогать им душевно молитвою, простыми и кроткими увещаниями, заботливостию о спасении их душ, всякий раз, когда находит на страждущих какое-нибудь смущение духа, маловерие, ропот или обуревание тревожной совести*»¹⁰⁸. То есть, как говорит об этом Евангелие учит быть «ближним», «милосердным самарянином» человеку, нуждающемуся в помощи.

Согласно «Наставлениям сердобольным сестрам» обучение сестер шло по пути использования собранного по крупицам богатейшего отечественного опыта «искусства ухода за больными». Создатели «Одесской богадельни сердобольных сестер» старались найти и привлечь к себе лиц, способных к занятиям этим нелегким делом.

Прилагать указанные руководства к самому делу помогали сердобольным сестрам, священник, попечитель А. С. Стурдза и главный врач. Но, к сожалению, повседневное сердобольное служение в некоторых случаях «не могло не проявляться в немощнейших сосудах женских смущением и затруднением». А отсюда и случаи оставления дела теми, кто не выдержал испытаний. Но и таковые утешаются авторами «Наставлений», ведь эти люди все равно «*унесут с собою в мир бесценное сокровище: мы разумеем отрадное воспоминание о тех бескорыстных трудах, коими наполнили они несколько богоугодных лет. На том возглавии легче им будет умирать. Зато претерпевшая до конца по дару Христа сердобольная труженица, сохранив при постяжестве и глубокое смирение, войдет несомненно в радость Господа своего.*

¹⁰⁶ Там же. С. 20–21.

¹⁰⁷ Там же. С. 21–22.

¹⁰⁸ Там же. С. 22.

*Призрев больных и страждущих в юдоли плача, она радостно перейдет туда, где нет болезней, ни печали, ни воздыхания и вечной ея радости никто же возмет от нея»*¹⁰⁹.

«Наставления сердобольных сестрам» стали своего рода «кодексом чести» сердобольной сестры, который, как и предполагали его создатели, будет способствовать формированию «идеальной» сердобольной сестры. Сердобольная сестра должна была взять и нести свой крест, следуя за Христом. Все тяготы и теснота, встреченные на этом пути, сердобольным сестрам являлись мученическим путем Христа. Веря, в то, что «Бог есть любовь», «сердобольная сестра — православная христианка» должна была терпеливо переносить все страдания на своем пути служения больным.

Именно так и строили свою профессиональную жизнь сердобольные сестры Одесской богадельни! А. С. Стурдза много заботился о создании здесь необходимой православной духовно-нравственной среды. Опираясь на святоотеческую аскетическую традицию, в «Наставлениях» он рассматривает сестринское служение как подвиг жертвенной любви к близким.

Что же представлял из себя «Дом сердобольных сестер»? Сохранились скучные сведения о первых шагах общины. «Болен — бех, и посетите мене», — было написано в сенях при входе в нее. За сенями следовал светлый и широкий коридор, направо была церковь, палаты больных и комната совещаний, налево — палаты больных и отделения сердобольных сестер. «Из покоев больничных пройдем в комнату заседаний, где ежемесячно, по уставу богадельни, собирается ее Комитет, состоящий под председательством попечителя из врача, священника, назначенных попечительницы и надзирательницы. И тут надпись, напоминающая Комитету о невидимом присутствии Господа там, где собираются во имя Его, — прекрасное и благопотребное напоминание! Тут же, в особенном шкафе, расположена библиотечка назидательных книг, между которыми бросается в глаза „Устав богадельни“ и „Наставления сердобольным сестрам“»¹¹⁰.

Посетитель, попадая сюда сразу ощущал православный дух, присущий этому заведению, везде царила «благочестивая изобретательность». Так

назначенные для больных три палаты названы «покоями Спаса, Богородицы и Всех святых». Труднобольные, которым сильнее грозит смерть, помещены покое Спасовом. В нем же образ Спасителя Распятого, а против образа написанный над дверьми призыв Его; «Приидите ко мне все трудающиеся и обремененные, и Аз упокою вы». Здесь «большое во внутренность церкви окно, через которое до страждущих может доходить не только совершение богослужения, но и самий фимиам приносимого Господу кадила, — все это располагает и к убеждению, что Господь точно близ, по слову своему: «где два или три собраны во имя Мое, там и я посреди их» (Мф. 18:20). Далее, «в покоях Богородичном и Всех святых тоже самое видят глаза и чувствует сердце посетителя и там все устроено по чину христианского сердоболяния, все и совершается так. И там св. образа светят упоманием, а стены говорят надписями в назидание и утешение больных и сестер. Больные и там все женского пола; число их, по уставу богадельни, первоначально ограничено 24-мя кроватями, которым просторно в трех больших покоях. Сюда принимаются больные всех христианских исповеданий — бедные бесплатно или насчет благотворителей, а достаточные с платою по 8 руб. серебром в месяц. Единовременным взносом 1200 руб. серебром приобретаются навсегда право распоряжаться кроватью, которая потому и носит имя благотворителя, сделавшего такое приношение. В числе таких кроватей есть одна, украшенная именем вел. кн. Елены Павловны»¹¹¹.

Сердобольная сестра, «приняв от врача приказания в точности следует им, и внимательно следит за всеми в больных переменами для донесения о них врачу...». Так, проведя весь день в больничном покое, спит, не раздеваясь, чтобы при первом стоне больших, быть при них, утешать их, за ними ухаживать и за них молиться...»¹¹².

Ухаживая за больными, сестры обязаны помнить, что в обители безмездного служения больным совершается двоякое врачевание: телесное и душевное, а потому они должны быть прямыми помощницами не только врачу, но и священнику, открывая ему все важные перемены в душевном расположении больных.

У себя в отделении сестры видят перед глазами надпись: «Друг друга тяготы носите» (Гал 6:2),

¹⁰⁹ Там же. С. 22–23.

¹¹⁰ Одесский вестник. 1852. № 4. 12 января.

¹¹¹ Там же.

¹¹² По §24 устава в больницу не могут быть приняты только одержимые прилипчивыми накожными болезнями и умалишенные.

а в пояснение её Устав обязывает их блюсти единение духа в союзе мира (Еф. 4, 3), ведь здесь сестры имеют все общее — одежду, пищу, труд и послушание. Кроме комитета и священника, они послушны старейшей из них — надзирательнице, по обету готовы «беспрекословно исполнять ее приказания, даже и нелегкие, с усердием исполнять ее советы и со смирением воспринимать ее выговоры»¹¹³.

В предотвращение последних, «Наставления» напоминают сестрам, что «в богадельне устроен храм Божий, и туда поспешать советует сестре, ослабевшей духом, искушаемой леностию или подвергшейся внезапным порывам отвращения к своему святыму служению». Туда же оно посыпает и сестру огорченную подругами. И священнику, как духовному отцу, предоставляется смотреть за сестрами, как за дочерьми. Сестрам же оно предлагает свободное от служения время употреблять на отдых, молитву, рукоделие, дружескую беседу, прогулку в саду и чтение назидательных книг.

А. С. Стурдза понимал, что жители Одессы могут с недоверием воспринять сказанное им, и поэтому в своей работе задает вопрос, который должны, по его мнению, задать ему жители Одессы: «И все это исполняется? И сам отвечает на него: «Не солгу Вам, если отвечу: «исполняется с Божьей помощью». По крайней мере, в сердобольных сестрах очевидно живое стремление к точному исполнению устава и наставления»¹¹⁴.

А. С. Стурдза, вплоть до своего ухода из жизни, по сути, был духовным наставником сердобольных сестер. Подтверждением того, что он не переставал думать о своих подопечных, явилось одно из его наставлений, опубликованное почти через четверть века после его смерти: «Материалы для истории христианской благотворительности в Одессе»¹¹⁵.

Несмотря на то, что А. С. Стурдза вместе со своими единомышленниками создал в «Наставлении для будущих сердобольных сестер» образец служения больному человеку как образец высшей нравственности, он до конца своих дней постоянно вновь и вновь обращался к этому вопросу. А. С. Стурдза был уверен в том, что не только лечение назначенное врачом но, и уход с любовью и молитвой за больными со стороны образцовых сестер с высокими духовными каче-

ствами определяет благополучный исход болезни. Через 23 года после кончины А. С. Стурдзы, в 1877 г. в «Херсонских епархиальных ведомостях» мы находим теплые строки о том, что Александр Скарлатович Стурдза, государственный сановник, известный в духовной литературе своими замечательными, по глубине благочестивого чувства, сочинениями, был «известен в Одессе заботами о правильной организации христианского благонравия», и далее: «Не знаем, надеется ли хоть одно начинавшееся во время жизни его в Одессе благотворительное учреждение, которому он не прилагал бы своего высокопросвещенного ума и теплого и благородного сердца. Более других заведений обязана ему богадельня сердобольных сестер в Одессе, по Высочайшему повелению, носящая его имя. Идея о таком учреждении, не новая на Западе Европы, была новою в России, и едва ли не первой в Одессе, благодаря гражданину ее А. С. Стурдзе, выпала честь основать и благоустроить заведение сердобольных сестер».

А. С. Стурдзу беспокоили многие вопросы, связанные с общиной: и малое число сестер, и трудности их служения, и специфика их служения в богадельне и в частных домах, беспокоило несответствие, порой, идеала и реальности: «*При богадельне в настоящее считается всего 12 сердобольных сестер, число слишком малое для такого населенного пункта как Одесса. Не многим, видно, под силу те обязанности, какие добровольно налагают на себя сестры. И в самом деле, эти обязанности не легки. Обет сестер — это полное самоотречение. Они отказываются при вступлении в общину от имущества и всех наслаждений жизни — брака, родственных связей, общества. Это монашеский орден, но орден не созерцания, а христианских дел на пользу ближнего... сестры выполняют свой обет тем, что неустанно идут туда, где нужно облегчать страдания; в больницах, в частных домах они в качестве сиделок проводят бесконные ночи у постели больных, внимательные и терпеливые; искусно перевязывают раны, дают больным лекарства и пр.; у ложа умирающих они принимают предсмертные поручения и обеспечивают тяжелые минуты мягкими словами веры, христианской любви*

¹¹³ Одесский вестник...

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Материалы для истории христианской благотворительности в Одессе // Херсонские епархиальные ведомости. Приложения. 1877. № 17. С. 521–526.

утешения. Конечно, это — идеал, к которому стремится сестра милосердия, и в жизни он не всегда вполне осуществляется; но в Одессе многие больные в частных домах получали по своей просьбе сиделок из сестер и всегда оставались ими довольны. В благодарность за заботы сиделок платится небольшая плата (кажется, рубль в сутки), но эти деньги даются не сиделке, а передаются в кассу общине; сестры, если только они свободны (что бывает редко при их ограниченном числе), идут немедленно — не разбирая классов общества — к бедным или богатым. К сожалению, сестры милосердия у нас в России редкость, за границею же эта почтенная корпорация развивается гораздо успешнее»¹¹⁶.

Огромное внимание уделялось воспитанию сестер, чтобы они умели проходить служение «в духе любви». Помимо уставных рекомендаций, были обращения и наставления — плоды постоянных размышлений попечителя о сестринском деле. А. С. Стурдза писал: «И так примите к сердцу, возлюбленные, предлагаемые вам от меня советы и замечания. Во-первых, ухаживая за больным со всяким терпением и усердием, сердобольная сестра должна изъявлять им сердечное участие, так, чтобы больные чувствовали, что им служат не по наряду, а по любви. Для сего сестры должны приучать себя к тому, чтобы непринужденно, просто и во время утешить страдальцев добрым, ласковым, увещательным словом или краткою молитвою. Застенчивость или холодное равнодушие здесь вовсе неуместны. Пусть больная будет у нас, как у родных. Конечно, бывают и такие больные, которых недостатки отвратительны. Что же? разве и на теле их не бывает отвратительных ран? Однако, верные обету своему сестры омывают и перевязывают их. Точно также надобно побеждать себя при усмотрении в больных чего-нибудь порочного и гнусного. Памятны вам, старшие сестры, бывшие у нас примеры обращения к Богу и душевной перемены пользовавшихся у нас труднобольных. Возгревайте только в себе дар Божий и не зарывайте его; действуйте примером и словом, и вы угодите Господу Премилосердному.

Во-вторых, сестра, состоящая на очереди суточного служения, обязана ловить благоприятные минуты, чтобы прочитать вслух что-либо назидательное и душеспасительное. На то святое Евангелие и утешительные слова Святого Дмитрия Ростовского, Тихона и других учителей благочестия. Это необходимо, свято, полезно и не должно быть упускаемо по беспечности или застенчивости ребяческой. Господь наш, кому принадлежит вся вечность, уже ли не дает вам несколько свободных минут на сие святое занятие? В третьих, при исполнении всякой христианской обязанности, кроме чистого и нелицемерного усердия к своему делу, потребно еще и уменье. А уменье приобретается вниманием и навыком. Природная ловкость и сметливость хороша, но благодатная ревность выше и лучше. Будьте внимательны к предписаниям врача; наблюдайте припадки болезней и давайте в них медику и настоятельнице полный отчет. Страйтесь хранить в памяти названия лекарств и замечать их употребление. Что же касается до примет смущения душевного, вы должны наблюдать их и сообщать то, что заметили душевному врачу, т. е. священнику»¹¹⁷.

Несомненно, что А. С. Стурдза делился с сердобольными сестрами своей духовной мудростью: «Вашими стараниями обитель стяжала уже, по милости Божией, добрую славу в бедном народе Божием. Продолжайте, возлюбленные, идти путем Христовым восходите от силы в силу и памятуйте, что в истинном христианстве кто не подвигается вперед, тот уже начал пятиться назад. Понятна будет каждому и строгая истина, если размыслить, что все мы, грешные, носясь по житейскому морю, подобно пловцам, не можем как и они, держаться на одном месте. Либо течение волн уносит неподвижного с собою; либо, с усилием плывя достигает он желанного берега. Да сподобит Господь Иисус всех нас войти в тихое пристанище, которое от века уготовано любящим Его»¹¹⁸.

А. С. Стурдза не переставал заботиться об устройстве созданной им «Одесской богадельни сердобольных сестер», отчетливо понимал, как важно найти такую сердобольную сестру,

¹¹⁶ Одесская Стурдзовская богадельня сердобольных сестер // Херсонские епархиальные ведомости. Прибавления. 1874 г. № 4. С. 114.

¹¹⁷ Там же. С. 523–524.

¹¹⁸ Там же. С. 524–525.

которая явилась бы для остальных сестер образцом. Именно такая образцовая сердобольная сестра и должна была возглавить это вновь созданное благотворительное заведение, став по сути «сердцем» «Одесской богадельни сердобольных сестер», повседневной наставницей сердобольных сестер, близким и родным им человеком. Сосредоточием лучших качеств сестры стала замечательная личность, сердобольная сестра Екатерина Александровна Хитрово.

Екатерина Александровна Хитрово родилась 30 декабря 1805 г. (11 января 1806 г.) в семье помещика Калужской губ. Она рано осталась сиротой, и с ранних лет ей пришлось трудиться. Подруга матери, у которой она воспитывалась, дала ей хорошее домашнее образование, что позволило Е. А. Хитрово в дальнейшем стать воспитательницей не только своих двоюродных сестер, но и детей в самых различных дворянских семьях. Ее всегда отличала высокая требовательность к себе как преподавателю: она много читала, постоянно изучала языки, естественные науки (ботанику и другие). Екатерина Александровна любила своих подопечных, следила за их успехами и со многими из них делилась своими сокровенными мыслями, на долгие годы, становясь для них близким человеком.

В 1845 г. Е. А. Хитрово совершает поездку за границу. В Италии ее поражают своей красотой Неаполь, Венеция и Везувий. Но, к этому времени, главным для нее становится ее внутренняя духовная жизнь. К жизни внеш-

Настоятельница Одесской богадельни сердобольных сестер
Е. А. Хитрово

ней, мирской она охладевает. Об этом говорит запись, сделанная в Венеции: «хороши здесь небеса и виды, — писала она, — и весело скользить в гондоле. Как-то легко чувствуется, но не глубоко, — и я, на все это смотря, вздыхаю о пустой, суровой земле, как Сибирь, в которую, если б была возможность, уехала б, кажется, при какой-нибудь миссии...»¹¹⁹. Это слова вполне созревшей личности. В ее словах содержится затаенное стремление, отдать себя полностью какой-либо подвижнической деятельности.

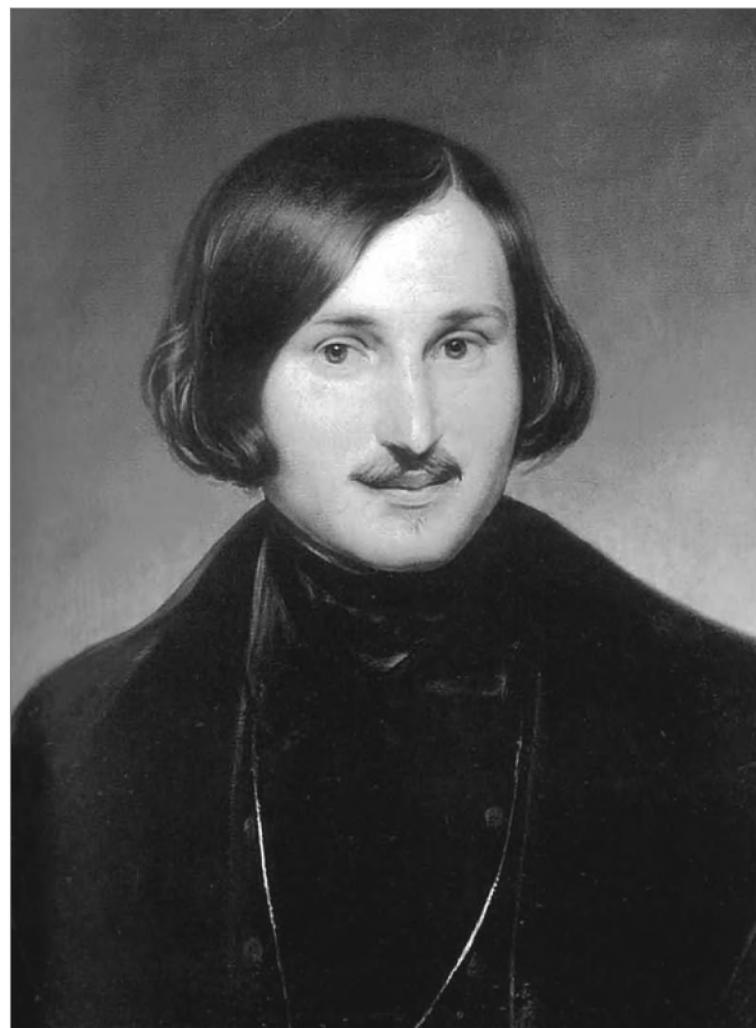
¹¹⁹ Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские епархиальные ведомости. 1864. № 3. С. 125.

Во время своего путешествия она познакомилась с уже ставшим к тому времени, известным Н. В. Гоголем, о чем она писала Ольге Васильевне, своей названной сестре: «Я познакомилась с Гоголем и считаю это за особенное удовольствие. Он не только умен, но и нравственен чрезвычайно. Всякое слово пробуждает доброе чувство в душе». Е. А. Хитрово, несомненно, жила высокой духовной внутренней жизнью. По приезде в Россию она сразу же (27 октября) и, по-видимому, уже не в первый раз, посещает Оптину пустынь, где встречается с ее старцами¹²⁰.

Интересна предыстория содержания описываемых событий. В 1848 г. во второй половине апреля, возвращаясь из Палестины на родину, Н. В. Гоголь прибыл в Одессу, где был задержан карантином по случаю разразившейся в то время холеры. В это время он возобновил свое знакомство с известным государственным деятелем, автором духовных произведений Александром Скарлатовичем Стурдзой, которое, по словам Н. В. Гоголя, началось «в 1836 году случайно встречею у подножия Швейцарских гор, в окрестностях Берна». Сам же А. С. Стурдза напомнил о себе Н. В. Гоголю, послав «в карантин с приветом близкого к нему молодого человека Н. В. Неводчикова», который в то время находился под начальством Александра Скарлатовича — наставником в одном приюте и, кроме того, являлся домашним учителем внука А. С. Стурдзы. Н. В. Неводчиков, при разговоре с Н. В. Гоголем, поведал ему о трудностях своего призыва. После этого, они, обменялись несколькими письмами. В. Шенрок, в опубликованных им «Материалах для биографии Гоголя» писал, подтверждая то, что переписка существовала: «судя по сохранившимся ответам Неводчикова, напечатанным мною»¹²¹.

Н. В. Гоголь вновь приехал в Одессу 24 октября 1850 г.: «В 1850 году Н. В. Гоголь был снова в Одессе, провел там зиму, часто виделся с Н. В. Неводчиковым. К этому времени относится нижеследующий дневник, писал журнал „Русский архив“, в котором, по мнению В. Шенрока, — делала свои заметки неизвестная нам особа женского пола»¹²².

«Лет пять назад мы вошли, — писал В. Шенрок, — в переписку с Неводчиковым (тогда уже архиепископом Кишиневским и Хотинским Неофитом) и получили от него предлагаемый

Моллер Ф. Портрет Николая Васильевича Гоголя
(в сюртуке, с золотой цепочкой).
Повторение портрета, исполненного в 1841

¹²⁰Там же. С. 126.

¹²¹Шенрок В. «Материалы для биографии Гоголя» // Гоголь Н. В. Собр. соч. СПб., 1898. Т. IV. С. 697–698.

¹²²«Неизвестная особа женского пола» — Е. А. Хитрово (1806—1856).

дневник». Напомним, что до поступления в Одесскую богадельню, Е. А. Хитрово была воспитательницей в доме кн. Василия Николаевича и Елизаветы Петровны Репниных.

С тех времен сохранились те несколько страниц из её личного дневника, переданных после её смерти для публикации журналу «Русский Архив» архиепископом Кишиневским и Хотинским Неофитом, (в миру Н. В. Неводчиков). Они содержали, главным образом, впечатления Екатерины Александровны от встреч с Н. В. Гоголем в 1850—1851 гг., когда писатель пребывал в Одессе.

В Одессе Н. В. Гоголь довольно часто посещал дом старой княгини Варвары Алексеевны Репиной, где воспитывалась его родственница, и дом её сына Василия Николаевича. В семье Репниных, Е. А. Хитрово была принята как родной человек. Близкие отношения связывали её с фрейлиной, писательницей Варварой Николаевной, дочерью «старой княгини». Именно у Репниных Екатерина Александровна получила возможность постоянно общаться с Н. В. Гоголем, с которым как мы помним, она была знакома еще с 1840-х гг., встречаясь с ним еще ранее заграницей, в Италии.

Некоторые записи в дневнике Е. А. Хитрово, касающиеся бесед с Н. В. Гоголем, до сих пор представляют интерес. Ее дневник зафиксировал фрагменты общения происходившего между собеседниками. Запись в дневнике Е. А. Хитрово «от 29 декабря 1850 г.»: свидетельствует о глубокой мудрости известного русского писателя «Он обедал здесь. Он спросил (сидел подле меня, а потом, встряхнув немного волосами, взглянул и на меня): „Какая мысль доставляет более всего спокойствие?“ Я молчала, — пишет Е. А. Хитрово, — Он продолжал: „За все с нами слушающееся благодарить Бога. Странно, что мы, не делая этого, доказываем, что мало надеемся на Того, Кто лучше всех все знает — на Бог“¹²³.

В конце 1850 начале 1851 гг. общение Екатерины Александровны с Н. В. Гоголем в семье Репниных становилось довольно частым. Екатерина Александровна как содержательная собеседница, продолжала быть интересной для такого знатока человеческих душ каким был Николай

Васильевич. Для нее были также очень важны эти духовные беседы и чтения. Она буквально ловила каждое его высказывание, каждое слово, каждое его замечание. Ее эмоциональная реакция была незамедлительной: «Когда он говорил, о том, что за всё Бога надо благодарить, у меня слезы текли из глаз»¹²⁴. Запись в дневнике от 27 марта 1851 г. Е. А. Хитрово свидетельствует о том, что беседы с Н. В. Гоголем не прошли даром. Екатерина Александровна «нашла случай ему (Н. В. Гоголю. — Н. Б.) сказать, что «я Бога благодарю, за то, что я его так часто видела и слушала его назидательные речи»¹²⁵. Именно под влиянием Н. В. Гоголя, который, по ее словам, в то время читал всякий день главу из Библии и Евангелия «на Славянском, Латинском, Греческом и Английском», Екатерина Александровна стала также чаще читать Св. Писание, чаще молиться. Но, при этом, она обращалась к Н. В. Гоголю: «вы молодой, неопытный человек»¹²⁶, хотя она, в ту пору была не на много его старше. Тем для разговоров, для размышлений у этих двух собеседников всегда было достаточно.

Тут нужно отметить, что незадолго до их встреч в 1847 г. выходят в свет «Выбранные места из переписки с друзьями», где Н. В. Гоголь, обращаясь к светским женщинам, писал: «Но вы говорите, что всем другим женщинам предстоит поприща, а вам нет. Вы им видите работу повсюду — или исправлять и поправлять уже испорченное, или заводить вновь, что-нибудь нужное, словом, всячески помогать, а себе одной только не видите ничего, и грустно повторяете: „Зачем я не на их месте!“ Знайте, что это общее ослепление»¹²⁷. И далее Н. В. Гоголь писал: «Всякому теперь кажется, что он мог бы наделать много добра на месте и в должности другого, и только не может сделать его в своей должности. Это причина всех зол. Нужно подумать теперь о том всем нам, как на своем собственном месте сделать добро. Поверьте, что Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит»¹²⁸. Думается, что Е. А. Хитрово были хорошо знакомы эти строки.

В этой своей последней книге Н. В. Гоголь как бы обращался к сердцу Е. А. Хитрово, которая еще пребывала в раздумье, перед тем как сде-

¹²³ Гоголь в Одессе // Русский архив. 1902. Т. 40. № 3. С. 545.

¹²⁴ Там же. С. 546.

¹²⁵ Гоголь в Одессе... С. 559.

¹²⁶ Там же. С. 548. Беседы проходили в то время, когда великому русскому писателю было 41—42 года, а Хитрово, вероятно, около 45 лет.

¹²⁷ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. СПб., 1847. С. 17.

¹²⁸ Там же. С. 18.

лать решительный шаг для своего вступления в Одесскую Богадельню: «У вас нет способности распознавать и исцелять болезни, и я вам не дам такого совета, какой бы мне следовало дать всякой другой женщине к тому способной. Ваше дело только приносить страждущему вашу улыбку, да тот голос, в котором слышится человеку прилетевшая с небес его сестра, — ничего больше. Не останавливайтесь долго над одними, и спешите к другим, потому что вы повсюду нужны. Увы! На всех углах мира ждут и не дождутся ничего другого, как только тех родных звуков, того самого голоса, который у вас уже есть. Вносите в свет те же самые простодушные ваши рассказы, которые так говорливо у вас изливаются, когда вы бываете в кругу домашних и близких вам людей, когда так и сияет всякое простое слово вашей речи, а душе всякого, кто вас ни слушает, кажется, как будто бы она лепечет с ангелами о каком-то небесном младенчестве человека».¹²⁹

То общественное положение, которое занимала Е. А. Хитрово, было характерно для знатной по происхождению, но бедной девушки, рано оставшейся сиротой и к тому же бесприданницы, хотя и получившей достойное образование, позволившее ей стать хорошей воспитательницей детей в семьях ей духовно близких. Относительно себя Е. А. Хитрово отмечает в своем дневнике, что следуя ходу событий, она смиленно и достойно, принимает свое незамужество, о чем говорит запись от 9 февраля 1851 г.: «Нет, я затаптываемая судьбою и отвергаемая, или лучшие, изверженная из жизни, я не то, что не признаю, но не чувствую себя причисленною к многочисленному сплочению отверженных, осмеянных, затоптанных, к ополчению ста-

рых девушек. Почему это состояние ненормальное, двусмысленное, страдальческое? Стоит отбросить все притязания на счастье и уметь видеть, что счастья ни в каком положении не обретается. Напротив свободы, которой она может пользоваться, дает ей независимый характер, через который она выше других может стать. Стоит ей лишь быть полезной и без желчи смотреть на проекцию свою жизнь. Что до того, что она остается одна в духовной пустоте, окруженнная обломками надежд? Всякому своя доля».¹³⁰

Совместные размышления вместе с Н. В. Гоголем о жизни, и об основах бытия, не прошли даром. В уже упомянутом опубликованном дневнике Е. А. Хитрово писала: «С тех пор как познакомилась с Стурдзой, стала желать пойти в сестры милосердия. Намедни я говорила кн. Марии Гагариной-Стурдзе¹³¹ о моем желании. Она мне славно отвечала: «...если этой мысли должно осуществиться, то она еще более развернется и созреет, а нет — так отпадет и завянет, спешить не надо». «Мне бы хотелось, — продолжает далее Е. А. Хитрово, — пожертвовать на одну постель и потом войти в заведение».¹³²

Скорее всего, мысль о поступлении в общитель «развернулась» и окончательно «созрела» в её сердце после дошедшей до Одессы в марте 1852 г. вести о смерти Н. В. Гоголя¹³³. В дневнике Е. А. Хитрово от 9 марта 1852 г: «Вот неделя как известна стала роковая весть... Как грустно! Как тяжело! — писала она. — Сколько потерянных надежд. Неужели бумаги его сожжены? Не могу вспомнить об этом!»¹³⁴.

Именно в это время основатель и первый попечитель Одесской Богадельни сердобольных

¹²⁹ Там же. С. 23.

¹³⁰ Гоголь в Одессе... С. 555.

¹³¹ Мария Александровна Гагарина-Стурдза — дочь А.С. Стурдзы, ставшая позднее попечительницей Одесской Богадельни сердобольных сестер.

¹³² Гоголь в Одессе... С. 560.

¹³³ В газете «Одесский вестник» от 15 марта 1852 г. № 22 с эпиграфом «Плачь, муга, плачь...» автор К. К. опубликовал «Некролог, посвященный Н. В. Гоголю»: «Гоголя нет!... Тяжело произнести это слово, тяжело почувствовать пустоту, которую оставил после себя в нашей литературе гениальный человек; место его стоит праздным: с грустью глядишь на ряды талантов, работавших вокруг того, кто высился над ними, — нет между ними ему преемника и невольно задумашься над судьбою двигателей нашей литературы; вспомнишь смерть Грибоедова, Пушкина, Полевого, Лермонтова и встречая новое имя, к которому с любовью привязывается народная молва, невольно спрашиваешь: «не отмечен ли и ты крестом преждевременной смерти?»... Подобно Пушкину, Гоголь был гениальным национальным писателем; подобно Пушкину, он пользовался горячей симпатией русской публики. Несмотря на противоположность направлений, оба они стремились к одной цели, оба они носили в себе равносильные идеалы прекрасного, стремясь к нему различными путями»... вокруг Пушкина и Гоголя группируются современные таланты русской литературы, и имя Гоголя сплетаясь с именем Пушкина неразрывно с ним будет блестать в нашей эпохе, как имена Державина и Фонвизина.

¹³⁴ Гоголь в Одессе... С. 562. В газете «Одесский вестник» 29 марта 1852. № 26 были сообщены обстоятельства предшествующие гибели Н. В. Гоголя. В частности, в газете было указано: «Передам вам рассказ камердинера, сообщенный мне им на другой день смерти Гоголя. Камердинер вспоминал: «Застав его одного около покойного, я к нему обратился с некоторыми расспросами, и между прочим спросил о бумагах. «Жгли, батюшка, дни три жгли, все ночью; находят, здесь, пожгут; пойдут в ту комнату,

сестер А. С. Стурдза, встретясь с ней и оценив ее по достоинству, предложил ей: «вступить в это новое заведение и в нем посвятить труды свои безмездному ухаживанию за больными и попечению о страждущих, ради Господа нашего Иисуса Христа»¹³⁵.

После полученного предложения А. С. Стурдзы сразу же у Е. А. Хитрово созрел ответ, судя по переписке: «Все решено, — писала она, — скоро

переселюсь в жилище безмездного хождения за больными». Вся предшествующая жизнь уже подготовливала ее к этому.

Многое же нужно было передумать, пережить, перестрадать, чтобы приняв такое решение, до конца своих дней от этого решения не отступить.

6 мая 1852 г. Екатерина Александровна из дома Репниных переселилась в богадельню сердобольных сестер¹³⁶.

там пожгут один раз, много что-то пожгли; я вошел к ним, они и говорят мне: сжег, а теперь самому жалко стало, многие бы за это спасибо сказали... Ну, я конечно, говорить: дал бы Бог здоровья батюшка Николай Васильевич, может еще лучше напишите они посмотрели на меня, да только улыбнулись». При этом публикатор утверждал: «Второй том „Мертвых душ“, как некоторые уверяют, находится в Петербурге». В заключение статьи было сказано: «Давно уже в Москве не было таких похорон, как прошлое воскресенье.. Он положен в Даниловом монастыре; от него через узеньку дорожку лежат Венелин и Языков; — таким — образом, он и здесь с друзьями... с умершего, сняты маска для бюста и портрет его в гробу, который, вероятно, скоро будет издан».

¹³⁵ Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские епархиальные ведомости 1864. № 5. С. 125.

¹³⁶ Там же. С. 260.

